

Мы внемлем. Мы жить не устали,
Но грозно на крестной стезе.
Мы стиснули души, мы встали –
Живые и мёртвые – все.

Игорь Григорьев

1

Говорят, что время притупляет и самые острые впечатления. Но страшный опыт войны свидетельствует об обратном. У человеческой памяти нет сроков давности. Для Беларуси, потерявшей в период немецко-фашистской оккупации каждого третьего, военная тема по-прежнему жива и современна. Война генетически вошла в быт, уклад жизни, в духовное мировосприятие белорусского народа. Память о трагедии, которая произошла на этой многострадальной земле в 1941–1944 гг. двадцатого столетия, будет жить вечно, потому что здесь уже подключается не только память природная, но память сущностная, народная.

Правдивый ужас оккупации – как живёт и побеждает дух человека в исключительно враждебной среде – основная идея книги Натальи Советной «Затаённое слово». Некая божественная двойственность скрыта в самом названии, может быть, потаённая сила жизни и затаённость человеческой души, до поры до времени пребывающие под спудом, чтобы однажды из чёрных оков плена вырваться на просторы родной земли, к свежему запаху лугов и полей, к весеннему солнцу и свету. Наталья Викторовна – известный прозаик, поэт, публицист, критик, кандидат психологических наук, автор 15 книг поэзии и прозы, лауреат многочисленных республиканских, всероссийских и международных литературных премий, общественный деятель Союзного государства.

Историческая память должна быть правдивой, сегодня – особенно. Искажаются факты и события той стремительно уходящей от нас войны, до сих пор не написана полная история Великой Отечественной – нашей общей всенародной эпопеи. Само понятие войны многомерно, неоднозначно. В известном смысле историческое поле о минувшей войне – это серьёзная

«поколенческая» проблема, требующая ответственного нравственного усилия. Суд истории творят потомки, и Наталья Советная не забывает об этом. Её восприятие войны как таковой, без лишней героизации и пафоса, высвечивающее отдельную человеческую судьбу, представляется мне куда более значимым. Наталья Викторовна родилась спустя 11 лет после войны и относится к тому поколению, кто знает правду о войне из первых рук. Ей удалось показать иной образ войны: глубже и серьёзнее взглянуть на героиню повседневности, почувствовать внутренний мир человеческой души, погружённой в атмосферу хронического страха, удалось будто воочию увидеть мир сильных эмоциональных переживаний, ощутить собственным сердцем мир неистовой ярости и любви к жизни.

«Самую правдивую книгу о войне напишет тот, кто родился спустя 20 лет после войны», – неоднократно повторял Виктор Астафьев. Из его фразы ясно, что свою солдатскую правду писатель не считал истиной в последней инстанции. Как тут ни вспомнить и слова Ильи Эренбурга: «Война сложна, темна и густа, как непроходимый лес. Она не похожа на её описания, она и проще, и сложнее. Её чувствуют, но не всегда понимают её участники. Её понимают, но не чувствуют позднейшие исследователи». Василь Быков постоянно подчёркивал, что «по-настоящему сказать о минувшей войне могут только её участники и свидетели». Прозаик открывал чудовищное лицо Второй мировой войны, но при этом был убеждён, что и в мирный час необходимо писать о войне. Очевидно одно: при всех существующих противоречиях каждый автор по-своему прав. Правда у них – не просто «солдатская», правда у этих писателей – рубежная, утверждающая правду историческую, национальную, организуящую людей в единое духовное целое.

Великая Отечественная война, страшная сама по себе, наполненная мучительными годами насилия и террора, неслучайно проникла в прозу и поэзию Натальи Советной. Предельно остро ощущает она свою писательскую и гражданскую ответственность, каждое её слово выстрадано и прожито. Книга посвящена землякам-городокчанам, – настоящим героям, мужественно перенёсшим войну и послевоенное лихолетье, заново восстановившим разрушенные, а зачастую и полностью стёртые с лица земли города, посёлки, деревни. Оккупация: безумие нацизма, рабство, страх, горе и одновременно великое сопротивление злу, ожидание спасения, Победы. Редактор книги Алесь Коршак была потрясена, насколько детально, до мельчайших подробностей описаны автором все события, будто кинокадры тех огненных лет возникают перед глазами, заполняя собой действительность и перенося в совершенно иную жизнь – жизнь кромешного хаоса войны. Согласитесь, подобная убедительная сила воспроизведения войны – явление редкое в наше прагматичное время.

Стоит отметить, проблемное поле современной русской и белорусской литературы о войне определяется её стремлением выработать целостно-обобщённое знание о человеке и мире в экстремальной ситуации. У Натальи Советной есть обострённое внутреннее стремление осмыслить тёмные, трагические стороны народного бытия, расчистить «переписанные», и не раз, исторические страницы. Представители поколения «детей войны» запомнили войну иначе, чем их непосредственные предшественники. Трагический аспект войны в этих воспоминаниях в книге Натальи Советной явно преобладает над героическим. Народ под оккупацией – это нечто иное, чем народ, сражающийся с оружием в руках. Разумеется, она ни в коей мере не умаляет и тот момент, что было яростное сопротивление, партизанское и подпольное движение, и конечно же, была Победа, но сам человек и его переживания в её произведениях выходят на первый план и становятся главным эмоционально-болевым эпицентром. Тема военной оккупации, которая в белорусской литературе является темой общенационального звучания, в её рассказах, повестях и очерках впечатляет смелыми взглядами и подходами, подчас поражая запредельным психологическим накалом эмоций, ярко выраженным концептом человеческой значимости. Наталья Викторовна – основательный и всесторонний исследователь человеческой души. Вероятно, способствуют этому и её профессиональные навыки психолога. Вместе с тем автор продолжает реалистические традиции нашей русской и во многом, я бы сказала, белорусской прозы, заложенные К. Чорным, Я. Брылём, признанными классиками военной прозы В. Быковым, И. Чигриновым.

Используя свой жизненный опыт, накопленный литературный «материал», Н. Советная осваивает непростую проблематику войны в широком историко-краеведческом, социально-культурном и религиозном контексте современности. Сегодня подобные темы стараются обходить, писатели чаще всего работают в привычном для них поле «окопной», «солдатской», «лейтенантской» прозы. Но Наталья Советная не боится затрагивать вопросы малоисследованные: оккупация, плен, застенки гестапо,

еврейские гетто, концентрационные лагеря смерти – сложные и спорные для обсуждения темы. По праву кровного родства, по праву неизбежной боли поколений, испытавших трагедию войны, пишет она свою книгу. Не ошибусь, если скажу, что во многом это повествование и о ней самой, о её жизни на белорусской земле, связанной с Городокщиной, удивительно щедрым краем, о его трудолюбивых и творческих людях, с какими писателя свела судьба. Да, это горькое и вместе с тем светлое повествование, в основу которого легли реальные события, реальные человеческие истории и которое не нуждается в надуманном художественном вымысле. Суровая правда жизни – вот прежде всего та крепкая почва, что питает её военную прозу. Невольно возникает чувство: автор, его герои, читатели – все мы участники не только военной истории, но и прямые собеседники каждого разговора, который ведёт Наталья Советная, а ещё и непосредственные соучастники её личной истории. Она бережно собирала жизненный и документальный материал, не день и не два, а длительное время, чтобы перенести на бумагу, чтобы оживить ушедшую память, которая должна стать нашей общей достоверной памятью. Зримо предстают реальные судьбы, захватывают реальные рассказы, отражающие ментальность национального мышления народа, его культуры. Вместе с памятью поколений Наталья Советная возрождает традицию, воедино связывает времена, зримо высвечивает суть прошлого, настоящего и будущего.

В пространстве книги явственно звучит голос самого автора, ибо в военной литературе его роль и ответственность перед читателем возрастают. Война на Городокщине будто соткана и насквозь прошита переплетением человеческих жизней и судеб. Повествование ошеломляет грандиозным размахом: сводки и письма с фронта, сведения о передвижении советской и вражеской армий, описание наступательных операций, архивные материалы и документы, фактологические данные, цифры. Эти небольшие произведения писателя вполне могли бы перерасти в роман, они изобилуют множеством героев, событий, разнообразием сюжетов и сквозных тем. Есть одна присущая им черта: все они объединяются в неразрывное целое, тем самым дополняя и продолжая друг друга. Светлой нитью вкрапливаются в тексты и личные авторские воспоминания: беззаботные школьные годы, любимые учителя, друзья детства и юности. Всегда важен автобиографический момент!

Пока историки и политики спорят над теми или иными фактами той войны, необходимо донести боль правды, переживаний живых свидетелей и участников тех далёких и в то же время таких близких событий, заставить нашего современника почувствовать пульсирующий нерв их жизни, оказавшейся «под колёсами войны».

2

Очевидной выразительной особенностью изображения войны в русской и белорусской литературе является тот факт, что самые великие и главные страницы, начинающиеся со «Слова о полку Игореве», написаны о поражениях. Борис Васильев выделял две большие литературы военного характера, классические, – прежде всего русскую и белорусскую.

Нельзя не отметить, что в творчестве Натальи Советной как раз и прослеживается сближение белорусской и русской литератур, определяющими само единство восточнославянской традиции. Человечность, нравственные идеалы добра, христианские критерии любви, гуманизма – вот те духовные ценности, которые утверждает писатель. Как известно, наиболее тяжёлым был начальный период Великой Отечественной войны. В первые месяцы войны вся территория Белоруссии была оккупирована германскими войсками. Уже 28 июня 1941 года немцы вошли в Минск. Целых три года белорусская земля находилась под жутким игом нацизма. Молниеносное развитие событий описывает в своей книге и Наталья Советная: «16 июля 1941 года начался отсчёт оккупации Городокщины, а с 26, со взятием Могилёва, вся Белоруссия оказалась под властью немцев». Не так много сегодня произведений о войне, посвящённых оккупации, увиденной изнутри. Не стоит забывать, что жизнь порой выше литературы. Жизнь, вставшая у Натальи Советной, как когда-то и у Василя Быкова, под знак беды и предельного испытания.

Тревожно начинается её повесть «Канарейка», рассказывающая о тех роковых событиях: «*Массовая мобилизация в действующую Красную Армию в городе и районе завершилась за три дня. <...> Но уже с третьего июля немецкая авиация неистово бомбила город, преграждая путь двигавшимся со стороны Невеля на защиту Городка полкам двести четырнадцатой стрелковой дивизии под командованием генерал-майора А. Н. Розанова. Девятого июля, на девятнадцатый день войны,*

по старой полоцкой дороге нескончаемой гремячей змеей вползли в город гитлеровцы. В три ряда – впереди мотоциклисты, стреляющие по окнам домов, за ними в клубах пыли, с закатанными до локтей рукавами, солдаты на велосипедах».

Раскрывая тему оккупации, тягостную жизнь в плену, говоря о партизанской борьбе и освобождении, автор показывает пограничное состояние человека в жёстких условиях войны. Юная Нина Слинькова, которую подпольщики наградили условным именем «Канарейка», – главная героиня этой повести. Пятнадцатилетняя девочка передаёт партизанам сведения о немецких машинах, о боевой технике и вооружении, о железнодорожных составах, о передвижениях и численности противника. Да, именно эти мальчики и девочки воевали наравне со взрослыми: ходили на разведку в глубокий тыл врага, считали фашистские танки и артиллерийское орудие, запоминали расположение дотов и дзотов, поджигали дома, в которых гитлеровцы останавливались на постой, осуществляли оперативную связь с партизанами, подрывали вражеские поезда. Но главное – стойко держались на допросах. Как же было невыносимо им видеть и переносить то, что вместо привычных красных звёзд – родных и негасимых – вокруг тусклым светом горели чёрные свастики.

«Руки их – в крови, в крови человеческой. Слышала Марфа Слинькова, что бывало и так: одна семья разделялась. Одни в полиции, другие – в партизанах. Ни дать, ни взять – Каины и Авели. Как разобраться? Кому верить?» – размышляет в повести мать Нины, решив доверить судьбу дочери подпольщику Константину, Костику, как его называли в отряде. Автор поднимает здесь извечную морально-философскую проблему – герои или предатели – подпольщики-партизаны или каратели-полицаи. Да, честных и совестливых было больше, которые ни при каких обстоятельствах, что бы с ними ни происходило, никогда на путь предательства не становились. Каины побеждать не должны, но сегодня снова идёт борьба и снова на чаше весов – судьба человечества. Хотя нравственность и выгода – разные категории. Предательство – сквозная повествовательная линия в книге Натальи Советной. Как ни прискорбно, среди местного населения встречалось немало и предателей. Коллаборационизм – нелёгкое, подчас хитросплетённое явление осознанного и вынужденного сотрудничества с врагом на оккупированных территориях. Глубины и бездны человеческой души на войне – непостижимая, скрытая тайна. Однако в целом тема предательства сопряжена с темой героизма – как противоборство абсолютного зла и добра. Впрочем, мы неоднократно убеждаемся и в обратном – зло относительно, в то время как добро абсолютно. Это как раз и доказывают отважные герои Н. Советной. Кроме того, её страстное слово правды обрело здесь новое мощное дыхание. У добра и зла тоже есть свои имена.

Пожалуй, один из самых пронзительных эпизодов повести «Канарейка», возможно, даже и всей книги – предательство деда Кузьмы, который из-за страха потерять свою хату выдаёт полицаям партизанскую связную Антонину вместе с её маленьким ребёнком: «Дед Кузьма стоял посреди вмиг опустевшей и онемевшей хаты. За окном выл ветер. Болтались на верёвке постиранные пелёнки. На полу валялась недочищенная бульбина, на лавке – чугунок с водой, который Антонина собиралась ставить в печь. Старик бросился к окну – половицы под ним непривычно гулко зашуршали, застонали – обиженно заплакала, заголосила дедова хата. Сквозь заледеневшее стекло он увидел, как шагнула за калитку, в октябрьскую стужу его квартирантка. С непокрытой головой, с крошечным дитём – беззащитная, обречённая, окружённая полицаями, будто стаей волков. Хохлову вдруг почудилось, что это вовсе не Тоня Судьёва, а его Анютка, нежная, хрупкая, родная, с маленьким Ванюшкой на руках. Уходят! И если не вернутся назад, то никогда уже не увидит он своего Ваню. Дед Кузьма схватил ломоть хлеба, метнулся в сени, достал со дна кадки кусочек сала, обмотал тряпичей, выскочил из избы: – Стойте, стойте! – Ветер заглушал его крик. Он бежал и бежал, пока один из полицаяев не услышал, не остановился, не окликнул остальных. – Прости меня, дурака старого! – задыхаясь, взмолился Кузьма Иванович и повалился перед Тоней на колени». Автор, пытаясь быть беспристрастной, не судит предателя, а всего лишь передаёт его душевное состояние, его непоправимое падение, но сцена раскаянья представлена настолько откровенно, с таким психологическим драматизмом, что старик сам себе судья и палач. «Полицайи выполнили приказ: она пролежала в овраге до весны. Рядом – крохотное тельце ребёночка. Он выполз из-под материнского козуха и замёрз. Их похоронили на кладбище в деревне Заречье. На могилке – простой железный крест. Вскоре запылали Росляки, где жили родные Тони Судьёвой. Не осталось ни одного дома. Жители, предупреждённые связными, успели спрятаться в лесу», – две судьбы изображает Наталья Советная, две человеческие трагедии – совершенно разные по-своему эмоциональному восприятию. А сколько недосказанного

остаётся за кадром – целая зловещая мистерия оккупационного бытия. Более того, писатель на новом рубеже третьего тысячелетия вновь осваивает нашу военную литературу, я бы сказала, осваивает с какой-то жертвенной, всепоглощающей самоотдачей.

Прошедший войну поэт-партизан Игорь Григорьев в своём автобиографическом очерке «Всё перемелется» вспоминал: «Отечественную войну я встретил и провёл на Псковской земле. Хлебнул унижения, тоски, горестных тревог, чёрных мук оккупации. Время – лихо, жуткое время, до предсмертного вздоха своего не перестану вспоминать о тебе!» Возникает прямая параллель и с книгой Натальи Советной, перекликающейся похожими мыслями и чувствами, которые этот период вызывал и у Игоря Григорьева, писавшего о нём: «Оккупация – это свои люди сами не свои, чужеземцы вокруг и около, анабиоз жизни, полицаи, подпольщики, есть очень хочется, но ещё пуще жаждется жить. И заново нарождающаяся, попранная и бессмертная вера в Бога, и, как Божий дар, любовь к Отечеству и свободе с надеждой на спасение и Победу». Ужас немецкой оккупации: еврейские гетто, тысячи расстрелянных – всё это накрывает тебя с головой, парализует любую мысль, способную здраво анализировать происходящее. Продолжая тему, Наталья Советная абсолютно ни в чём не идеализирует ту жизнь, предельно обнажая ситуацию: *«Лютуют немцы. Страх, страх, як лютуют! Сказывают, много людей забили в Езерище. Директора школы тоже. А мужика с жонкай и детьми за то, что листовки читали! Всех забили»*, – рассказывает Нине её крёстная Ольга Афанасьевна, испытывавшая явный страх за юную связную, которая передавала в лес нашим бойцам хлеб, льняное масло, соль, махорку и «по партизанской эстафете» распространяла листовки. Автор не щадит ни себя, ни читателя, когда от имени подпольщика, железнодорожника Михаила Егоровича, приводит в тексте его жуткое сообщение, адресованное партизанам: *«...в Городокской тюрьме в день перед Рождеством казнили шесть человек. Вывели на мороз и поливали ледяной водой, пока насмерть не замёрзли. А двоим отрубили ноги и руки, живыми выбросили за городом. Пусть наши об этом знают – злее воевать будут!»* Как видим, Наталья Советная стремится не к описательности сюжета, а прежде всего раскрывает жизнь подлинных чувств в самые напряжённые моменты, на грани жизни и смерти.

Но, несмотря ни на что, человек должен был как-то приспособливаться к существующим условиям. Ведь даже в немецком плену он пытался выстоять, изо дня в день, пусть хоть на краткий миг, но приближая Победу. В этом и заключался невидимый героизм людей. К тому же, может, не так страшен чёрт, как его малюют, всегда учила выносливости и терпению народная мудрость. В русле военной темы у автора параллельно идёт и достоверное изображение деревенского уклада жизни, быта, труда крестьян, в чём, безусловно, Наталья Советная проявляет основательное знание народных традиций и обычаев белорусов. Она чувствует язык народа, само народное слово, будто зачёрпнутое из чистых родниковых криниц. В этом слове сказалась и деревенская простота, и детская наивность, и неподдельная искренность, и естественная радость. *«Гляжу – волк на краю дороги, впереди меня! Я – как вкопанная. И он сидит, не варухнётся. Назад бежать уже надумала, до сосны, чтоб забраться повыше. Сидит. Тогда осмелела я, шаг навстречу, другой – не варухнётся... Это ж камель берёзовый оказался! Берёзу повалило, снегом запорошило, а камель торчит, что тот волк!»* – слышим мы живую, красочную речь Нины, взхлёб рассказывающей о своих лесных приключениях. Сила и красота народной речи таится в природном образе. В реальной жизни природа часто наделяется человеческими чертами, устремлениями, волей. Автор этот загадочный феномен переносит и в литературу, будучи глубоким и тонким художником слова. Постигая секреты народной культуры, Наталья Советная бережно сохраняет притчевое и пословичное любомудрие.

Заслуживает уважения и тот факт, что приёмы публицистичности, которые встречаются в её художественно-документальной прозе, не снижают его эмоциональной силы, а, наоборот, привносят большей убедительности, наполненности и значимости представляемому моменту истории. Событийно-насыщенное содержание автор помещает в достаточно сжатые рамки текста, поэтому документальность, фактичность предлагаемого в книге материала естественны, целостны и, как никогда, актуальны. *«На территории района боевые операции проводили отряды нескольких партизанских бригад: второй Белорусской имени П. К. Пономаренко, первой и четвёртой Белорусских, первой Витебской, имени Кутузова, имени Ленина, имени Краснознамённого Ленинского комсомола. Не справляясь с партизанским сопротивлением, теряя поражения на фронтах, гитлеровские оккупанты мстили беззащитным мирным жителям. В марте сорок второго года были сожжены местные*

деревни Вологино, Лешково, Медведево, в апреле – Рудаково, в июне – Водяники, в июле – Вишнёвка, Зайково, в августе – Вышедки, в октябре – Яночки, Авданьки, Жуково, Украйце. В ноябре-декабре запылали десятки деревень вместе с людьми», – читаем в одной из глав повести «Провал». Далее по тексту (внизу страницы) даётся сноска: * «Только в ноябре 1942 года в Городокском районе Витебской области фашисты сожгли 62 деревни и уничтожили в них 1239 человек. Всего же по данным книги “Память: Городокский район” (Минск: Беларусь, 2004) уничтожено 183 деревни и более 8 тыс. человек (сожжены, расстреляны, повешены). В настоящее время есть предположение, что деревень было сожжено около 300». Таковы статистические данные, они жёстки, убийственно немолимы, за ними стоят тысячи жертв, тысячи оборванных жизней и человеческих связей, тысячи и тысячи не рождённых детей. Только в Витебске, в котором до войны было свыше 170 тысяч жителей, на момент освобождения осталось немногим более ста человек! Действительно, крайне сложно в небольшой литературной форме охватить огромный объём военных событий. Тем более, когда возникает необходимость дать чёткие сведения обо всех наступательных операциях. Именно благодаря документально-публицистическому характеру описания, основанному на реальных фактах, театр военных действий выглядит в книге многопланово, точно и подлинно.

Кроме того, автор на протяжении всего повествования обращается к природе. В ней всегда народ находил радость и покой, она питала его внутренние силы. У Натальи Советной всегда прослеживается это единство человека и мира природы. Не случайно слова Родина, народ, родник, природа – одного корня. В повести образ Родины неизменно связан с образом родной земли: *«Под ногами похрустывали мёрзлые листья, редкий медленный снег долго кружил в воздухе, словно не желал касаться земли. Нина смотрела на прозрачную воду родника, бьющего сильной пульсирующей струёй на краю оврага, и не могла оторваться. Что-то завораживающее было в этой живой силе, сопротивляющейся ноябрьской стуже и даже лютым морозам. Она знала, что родник пробивался и сквозь льды, которыми за студёные месяцы обрастало лоно земного ключа. Он пульсировал, словно могучее горячее сердце, заставляющее растекаться по жилам животворящую кровь»*. Пожалуй, главное художественное открытие здесь как раз в том, что извечную проблему человека и природы автор видит и как проблему исторической судьбы – судьбы народа, судьбы его земли, судьбы грядущего. После его несчастий, унижения, потерь природа не только скорбит вместе с ним, но и посылает ему надежду, возрождает в нём стремление к Победе.

Художественная поэтика Натальи Советной приводит нас к пониманию, что военную литературу не стоит делить сугубо по национальному принципу. Вспоминается писатель Иван Чигринов, страстный путешественник по родному белорусскому краю. Его война – это тоже «война под крышами», он определял её по названию романа Алеся Адамовича. В своём произведении «Свои и чужие», продолжающем военную эпопею, в которую вошли его романы «Плач перепёлки» и «Оправдание крови», Чигринов рассказывает о соединении небольших партизанских групп на территории Белоруссии в единый ударный кулак, само название таит в себе противоречивые смыслы: белорусы и фашисты, наши и враги, герои и предатели. Роман начинается с описания «многострадальной осени» 1941 года в Забеседье. Что характерно: пока «осень и зима тягались друг с другом на невидимых весах», за переменчивыми явлениями природы, как замечает автор, «в тот год некому было в Веремейках особо наблюдать да размышлять». «Война почти уполовинила народ в деревнях», – вот истинная причина того, почему никого не радовала природа. Иногда и она бывает человеку, словно злая мачеха, если слишком горько у него на душе. Однако в природе всё идёт по давно заведённому кругу, чередуется, никогда не сбиваясь с шага. Чигринов это объясняет так: «Если у людей происходит много чего, что нарушает порой не только привычные представления, но целиком перекраивает их существование, то в природе подобного не бывает. Она всякий раз повторяет себя, и в этом повторении человек всегда находит покой и защиту». Внутреннее равновесие души, саму себя, какая она есть в жизни, находит в природе и героиня Натальи Советной – связная Нина Слинькова.

В русле темы оккупации в книге рассматривается и такое всеохватывающее явление, как женщина на войне. Напомним, что нравственный императив в экстремальных условиях – коренной вопрос жизни и войны – постоянно искал Василь Быков. Уместно ли это в суровых реалиях военного времени? В своей повести «Канарейка» Наталья Советная показывает женские судьбы Марфы и Нины Слиньковых, матери и дочери. Поведение женщин на войне, в оккупации и в тылу было настоящим жертвенным подвигом. Невозможно представить Победу без их самоотверженного труда и беско-

рыстной помощи, без их святого милосердия и материнской заботы. Они как-то умели, как писал Иван Чигринов, «и трудиться, и потомство сохранить, и воевать, и хлеб сеять, и посочувствовать, и раны перевязать, умели любить и ненавидеть». Вот и Марфа Слинькова, встречаясь в госпитале со своим мужем Тимофеем, перенёсшим девять ранений, пусть инвалидом, но оставшимся в живых, знает, что любовь побеждает смерть. Судьба этой обычной деревенской женщины, увиденная глазами художником-реалистом нашего времени Натальей Советной, – великая трагедия человеческого страдания. В каждом крестьянском образе сильно, поразительно точно отразился народный характер эпохи Отечественной войны 41-го года. Нина Слинькова, партизанская связная Канарейка, после освобождения Городка с невероятным энтузиазмом и молодым задором трудилась на маслозаводе, добывала на реке лёд. Всё выдержала, всё преодолела. Однажды вспыхнула в ней с новой силой зародившаяся ещё в той, её военной жизни, любовь к герою-фронтовику Степану Дергачёву: ушли вместе с войной страшные испытания, и торжествовала поправшая смерть любовь.

Одна из примечательных особенностей мастерства Натальи Советной – как увлекательного и вдумчивого рассказчика – ощущение присутствия автора. Её повесть «Небеса на коромысле» буквально с первых строк интригует необычным началом сюжета: встреча выпускников, и учитель истории Любовь Антоновна Курганович вдруг открывается своим бывшим ученикам совершенно с иной, незнакомой для них стороны. Повесть во многом автобиографична. Глава «Наставница» словно вобрала с себя это старое доброе слово, наполненное истинной человечностью, она вся от начала и до конца проникнута воспоминаниями войны, внезапно нахлынувшими на Любовь Антоновну, которую память возвращала в своё военное детство, пусть безотрадное, но дорогое ей до боли. В книге прослеживается похожий чертёж сюжетов – испытание войной. Раскрыть благородство человека – с одной стороны, с другой – низменную подлость.

Никогда не забыть героине повести душераздирающую историю, как фашисты отнимали соседскую корову, единственную кормилицу, обрекая несчастных детей на голод. Спустя столько лет ей всё слышался их безудержный, наглый смех. *«Тётя Аня упала не сразу. Голова её вдруг дёрнулась, наклонилась... Светлая косынка заалела, словно занялась пламенем, набрякла и, потеряв лёгкость, медленно поползла вниз. Всегда ласковые натруженные руки тёти Ани всё ещё крепко держали корову...»* – зримо проступает перед глазами эта кровавая картина, настолько пронзительно она представлена автором. Итак, война – это потеря близких, родных, это разруха, голод, предчувствие беды, это слёзы, боль, страдание... Но внутренняя – нечеловеческая напряжённость поразительно сочеталась в людях с верой, которая помогала им выжить и выстоять. Наталья Советная каким-то непостижимым образом совмещает веру и войну. Читатель ощущает всю глубину причастности автора к людскому горю: *«Прасковья Фёдоровна не помнила, как оказалась в хате, щёлкнула щеколдой, закрывая за собой дверь, рухнула на колени: – Боженька, смилуйся! По велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих... – Дрожащей рукой она творила крест, а слёзы текли, текли по обветренным, обожжённым солнцем щекам. – Любушка, молись, молись, детка... Господь не оставит, Он не попустит! – Прасковья обняла перепуганную, застывиую рядом дочь. – Он же всё видит, всё... И дед мой, и бабушка учили, чтоб молились, просили... Спаси, сохрани нас от всяческих бед! И кормилицу нашу сохрани, Господи!»* Когда надеяться уже не на кого, лишь у Бога обездоленный человек просит спасения. Возвращение народа к вере, православный взгляд на войну и Победу русских и белорусских людей – реальное свидетельство силы их веры, их убеждений, их чаяний и надежд – открывает нам Наталья Советная. Оказывается, что христианская струна в русском национальном характере не только не оборвалась в эпоху «железного» советского века; напротив, в жутких условиях войны она сохранила и вновь проявила свою волю, зазвучала святым молитвенным словом. Наряду с трагическим колоритом изображения войны в книге не менее сильно чувствуется религиозно-гуманистический характер повествования. Мужественно несут свой крест женщины-страдалицы. «На этих совестливых душах – / Вся тяжесть русского креста», – проникновенно писал о них в своей поэме «Обитель» Игорь Григорьев.

Война – не романтика, а возможность увидеть человека в опасной ситуации, увидеть нравственные ценности, важные для человека. С родной белорусской земли партизанские семьи увозили в Германию. *«Добро ихнее – нам, родичей – в Германию!»* – цинично рассуждали местные полицаи. Справедливости ради, нужно сказать, некоторые полицаи помогали людям. Героиня повести «Небеса на коромысле» Любовь Антоновна, Любушка, как звали девчущку партизаны, носила в лес передачи,

стирала бельё, после допроса и девяти ночей, проведённых в тюремном подвале, чудом спаслась от германского рабства, один из полицейев сжалился над ней. Не умолкает в её душе тревожное чувство, оживают воспоминания и вместе с ними оживает великая и трагичная партизанская эпопея!

Сегодня, анализируя события ушедшей войны, принято считать, что у каждого была своя война. Поэтому отыскать единственную и непреложную правду сложно. В главе «Между огнями» автор затрагивает достаточно противоречивые и болезненные моменты, связанные с действиями отдельных партизанских групп, по всей видимости, на самой начальной стадии их формирования. Возникают пересечения и с военным рассказом писателя из Беларуси Сергея Трахимёнка – «Родная кривинка». Жители белорусской деревни Заболотье, оккупированной фашистами, о которой он пишет, находились, по сути, «между молотом и наковальней». Причём по сюжету рассказа на одной небольшой территории действуют два самостоятельных партизанских отряда, один из них существует по своим законам и правилам, подчас вызывая у местных жителей определённые опасения, страх. Ни для кого не секрет, что приходилось жить «между огнями», крайне сложное было время, в особенности для женщин, детей, стариков.

Горячо, с неприкрытой болью пишет Наталья Советная и о карательных экспедициях немецких оккупантов, после которых оставалась лишь выжженная земля. Женщины и дети были вынуждены прятаться на болоте: *«Болото день за днём обрастало ярко-зелёной щетиной осоки. Золотистые котики краснотала, набухшие почки лоз напоминали о набирающей силу весне. Но тёмная талая вода была по-зимнему холодна и враждебна. Идти по болоту, проваливаясь в булькающую, словно живую жижу, чтобы добраться до островка с твёрдой землёй, и потом сидеть на колючем лапнике тихо-тихо, спрятавшись между худосочными берёзками, под тощей елью, голодая и коченея на стылом воздухе, особенно ночами, могли заставить только страх и неистребимая жажда жизни»*. Но ждал, манил свой дом. Даже война и смерть не могли отнять у человека вечную, никем и ничем неистребимую жажду возвращения к родному очагу. В родную хату спешат вернуться и Люба с матерью. Частная история и история человечества, повесть одного человека и картина всей войны – некий общий скреп, некая присущая всем произведениям автора прямая истина обретает здесь глобальный смысл – быть человеком на своей земле. Индивидуальное осмысление жизни приводит к пониманию уникальной незаменимости каждой личности. Поэтому так невозполнимы людские потери, причинённые войной. Можно ли превозмочь эту боль? Казалось, что боль, рвавшая людей изнутри, не оставляла им никаких шансов выжить. Прасковья Фёдоровна, мать Любы, узнав о гибели сына, чуть не лишилась рассудка и за одну ночь от горя и слёз ослепла.

Страшные и величественные вехи – оккупация и освобождение. Но и отступая, как пишет автор в одноимённой главе «Небеса на коромысле», фашисты «продолжали свирепствовать, и слух об их зверствах бежал далеко впереди». Невозможно подробно приводить эти душераздирающие выдержки, переполненные сведениями о чудовищной жестокости врага, о том, что творилось на оккупированной вермахтом территории. Холодеет душа, кажется, что разрывается на части пространство текста, нужно читать, сострадать, думать... Пути Господни неисповедимы. Бог и судьба, а может, внутренний ангел-хранитель отвели от Любы «гибельные минуты», не дали умереть от рук полицейев. «Война была жестокой и грубой школой», – бесстрастные слова Юрия Бондарева из его «Мгновений» в очередной раз подтверждают, что война страшна не только катастрофическими разрушениями, но и нравственными преступными деяниями. Война калечит человеческие души, требуя за всё очень высокую цену. Хотя было и нечто – высшая и необъяснимая сила, вопреки всему происходящему, дарующая людям духовное возрождение. Настоящим потрясением для учеников Любови Антоновны Курганович стали её слова, завершающие эту повесть: «А что ж тут такого? Жила, как все». Легко в это поверить, но понять сложно. В словах наставницы, детство и юность которой были обожжены войной, много обыденной справедливости, деликатной сдержанности, той мягкой, неброской, вдумчивой мудрости, свойственной людям, перенёвшим большие жизненные испытания. Вот так сплетаются в единый тугой узел человеческие судьбы, пути истории и пути литературы, взывающие новые поколения к благодарной памяти.

«Мне кажется, что война похожа на какой-то самодостаточный, развивающийся, совершенствующийся во времени с начала человеческой жизни живой организм, который питается, насыщается кровью, кровью живущих сегодня на земле... Сейчас время такое, что можно безбоязненно врать о войне. Но правда гораздо глубже и страшнее», – говорит белорусский писатель Виктор Козько, ис-

пытавший сиротское военное детство. Точно такая же обнажённая правда открывается читателю и в повести Натальи Советной «Подранда». Трагические судьбы сожжённых деревень будто проходят перед нами. Любая смерть – трагедия! Но всё познаётся в сравнении. Хатынь – одна из самых незабываемых и страшных военных трагедий в истории человечества, ставшая мировой болью целых поколений. Скорбная память звучит в поминальном звоне колоколов, ибо сверхдорогая цена была заплачена за мир и свободу. Слишком огромная отдача этой Победы не прошла бесследно, люди не могли восстановиться от потерь и потрясений. Поэтому в каждом поколении живёт и сохраняется генетическая память о войне.

И автор повести, отправляясь в путь, выбирает опалённые войной дороги. На карте её жизни и судьбы обозначен маршрут: Хатынь – Подранда. Подранда – это родовые корни Натальи Советной по линии матери – деревня, повторившая судьбу Хатыни, сожжённая во время войны вместе с жителями. Такова была сущность нацистской политики – нечто совершенно экстраординарное, злое, – политики геноцида и выжженной земли, которая ничего, кроме смерти, не обещала нашим народам. Катастрофа случившегося не забылась, мысль о жертвах, о кровной боли, пронизывающей и соединяющей всё сущее, не отпускает нас и поныне, отражаясь в наших глазах, отзываясь болью в наших сердцах, прошитых осколками памяти.

Автобиографическая основа творчества даёт автору новые возможности: глубже, серьёзнее проникнуть в самую традицию. Первая глава «Дуб всё помнит...» буквально сразу обращает на себя внимание поэтическими многозначительными символами, присущими славянской культуре, – это образы дерева, дороги. Наталья Советная умеет придать интригу довольно обычным сюжетам, умеет на высокой духоподъёмной ноте завершить своё произведение, будь то повесть, рассказ или очерк. Вот и на месте сожжённой деревни Подранды остался лишь одинокий старый дуб. А ведь раньше, по воспоминаниям её матери: *«Где-то здесь жила, дышала, пела голосистыми бабами и девушками Подранда. <...> На месте Подранды зеленела трава и высился корявый дуб. Посаженный когда-то поодаль домов, возле пруда-сажалки, где была дедова баня. Потому, видимо, уцелел, что поодаль и возле воды. Дуб всматривался в путников, казалось, замерев от неожиданной встречи. Как же давно не видел эти родные лица!»* Случайный попутчик, деревенский житель Кузьмич (какая же, согласитесь, дорога без разговорчивого попутчика?), помнит, что Подранду «немцы в сорок втором сожгли, спалили вместе с жителями». Значит, ничего случайного, в том числе и встреч, в человеческой жизни нет!

В пространстве своего сердца Наталье Советной удаётся совместить различные времена и создавать удивительные запоминающиеся образы, проникнутые сакраментальной сопричастностью подвигу, сопричастностью исторической памяти. Чистый и строгий образ учительницы Инны Васильевны Бодяко, когда-то организовавшей поездку учеников в Хатынь, стал для писательницы по-человечески близким и дорогим. Не забылось, как семиклассницей выполняла бабушкину просьбу, искала на «Кладбище деревень» родную Подранду! *«Из двухсот уничтоженных в районе деревень исчезли навсегда тридцать пять. Бабушкина Подранда немо смотрела на нас из стеклянной урны. Тридцать пять дворов – горсточка земли... Могилка»*, – спустя годы напишет об этом Наталья Советная, соединяя дороги истории и дороги человеческой жизни. А между тем цифры неумолимы: около 200 уничтоженных деревень, из которых 35 исчезли навсегда. Хатынь: 26 сгоревших домов, 149 душ, спасся лишь один её житель – Иосиф Каменский. Как лучик надежды в аду пожарища – это чудо спасения в огне детей. Как жили они, выжившие? Какие сны видели? Хатынь вобрала в себя весь правдивый ужас, все страдания обнажённого мозга, которым нет предела, навеки впитала в себя все мучения невинных, неприкайных душ. «Мерный колокольный звон», «щемяще-погребальный, надрывный, предупреждающий...» раздаётся над Хатынью, плывёт над белорусской землёй, поднимается высоко в небо... Человеческое сердце, подёрнутое пеплом, как будто снова загорается, и, как росток на заброшенном пепелище, выбивается общая память.

Яркое впечатление оставляет в памяти героический образ партизанки-подпольщицы Надежды Архиповны Мирончик, матери Инны. До глубины души обжигают слова, сказанные отважной партизанкой: *«Рождается маленький человек, – нарушила молчание Надежда Архиповна, – говорят, будто он – чистый лист. Что напишешь, то и получится. А так ли это? Каждый родитель мечтает о ласковом, умном ребёнке. В школе – светлому, доброму наставляют. Но приходит час, и делятся люди на героев и предателей. Одни жертвуют собой, другие, ради собственной шкуры, проливают людскую кровь...»* Над этими словами, которым свойственна морально-этическая категоричность,

сегодня стоит задуматься. Наталья Советная затрагивает проблему совести, болезную тему, и, как это ни печально, не вызывающую в нашем современном обществе интереса к себе. Однако она более чем серьёзная и требует особого внимания. Разве возможно остаться равнодушным к самой жестокости войны, к яростной и святой ненависти, какую испытывала к врагу совсем ещё молодая подпольщица Надя? Точно так же, как и она, приводя ученикам кошмарные примеры преступления нацизма, и герой рассказа М. Шолохова «Наука ненависти» – лейтенант Герасимов – скажет о немецких захватчиках: «Оказалось, что они с такой же тщательностью, с какой когда-то делали станки и машины, теперь убивают, насилуют и казнят наших людей». Судьба партизанской связной Нади была похожа на судьбы остальных женщин, которые активно помогали партизанам и тем самым подвергали постоянному риску не только свои собственные семьи, но и семьи своих соседей. Молодая женщина пекла хлеб для партизан, поводом для её ареста стал чей-то донос, но она смогла выдержать пытки, чудом спаслась. «Жгли немцы дома и людей за любое подозрение в содействии партизанам», – напишет Наталья Советная и в своём очерке «Невосставшие из пепла». С этих страниц в сердце проникает подлинная трагедия военной жизни: горели населённые пункты, которые советские войска под напором противника были вынуждены оставить, реками крови были залиты оккупированные врагом территории.

Морально-реалистическая позиция автора полна непоколебимой уверенности: всем нам необходима правда о цене Победы. Другой персонаж повести – Михаил Семёнович Комаров, сосед Надежды Архиповны, вспоминает, как мальчишкой спал на тёплой тесной печи, а проснувшись, увидел рядом с собой немца, пытающегося обогреться. Враг рядом с жертвой на одной печи... Красная армия начинала долгожданное наступление. В своём вступительном слове к книге профессор И. А. Казанцева отметит, что Н. Советная вопреки тому безбожному времени показывает исконную ценность христианского мира: милосердие, жертвенность, бескорыстие. «...милости хочу, а не жертвы», – гласит Евангелие (Мф., 9:13). Это значит, что выше жертвы Господь ставит милосердие. Как люди, перенёвшие столько страданий, могли что-то прощать врагу? – не нахожу ответа. Не перестаю удивляться милосердию тех обездоленных людей, запасу их терпения и любви. Они делились друг с другом последним «драгоценным куском», проявляя истинные качества взаимопомощи, взаимовыручки. Дух сплочённости помог им выстоять и победить.

Поражает своей болевой историей бытия и послевоенное время. Автор вводит в текст повести и рассказ-воспоминание Михаила Семёновича Комарова: «У нас в деревне люди без хат зимовали – в землянках. Даже на кладбище жили. Да, да! Гробы с покойниками у деревьев прислонённые, а люди в склепах... Поле – лопатами... Голод. Нам ещё повезло – на огороде две убитых немецких лошади... Надежда Архиповна оживилась: – Гегель собирали, ростки такие чёрные. Добавляли очистки... <...> Полдеревни мужиков не вернулось, сгнули. От государства – налоги крестьянину да запреты. Опять же – займы. В животе пусто... А песни пели! Советские песни. Хорошие. Спокойно было на душе. Мирно!» Да, прав герой Натальи Советной – та эпоха была озвучена победными песнями, которые помогали громить врага, а после войны помогали заново, практически из руин, поднимать страну. Песни люди пели и за столом по большим праздникам, и во время трудовых буден, в поле, на сенокосе, пели, когда возвращались домой, выполнив рабочую норму, уставшие, но всё равно счастливые. Расслаблялись напряжённые от работы лица, пропадали морщины, и более явно проступали на них красивые и честные черты, и сама собой лилась, брала за душу настоящая и откровенная песня: «Вон кто-то с горочки спустился, наверно, милый мой идёт. / На нём защитная гимнастёрка, она с ума меня сведёт». Почему люди пели? Ведь и есть ещё досыта не стали, жили кое-как, всё выносили на своих плечах, в руках вилы, лопаты, грабли... Видимо, начали забывать войну, она уходила в прошлое. Так устроен человек. Четыре года народ прожил молчком, в особенности три года оккупации, что длились на белорусской земле, а казалось, бесконечно. Наталья Советная представляет в книге целую песенную культуру военной и послевоенной эпохи, ведь именно поэзия и музыка, как никакие другие искусства, открывали народу основные нравственные и культурные смыслы. Тонко подмечает она и чувство красоты, присущее простому крестьянскому человеку. Мотивы единства красоты человека и красоты природы, красоты жизни на фоне трагических событий войны звучат у неё наиболее остро и проникновенно. Опасность обостряет восприятие красоты. Трепетное отношение автора к своему герою непосредственно передаётся и читателю, вселяя надежду на что-то светлое, доброе. В какой-то момент перед человеком раскрывается необозримый мир земной красоты: бабочка – вестница весны, может, чья-то «нераскаянная душа», душа христианская, – так

считает Михаил Семёнович, несмотря на своё военное детство, не утративший чувства красоты, понимания прекрасного. Мы можем проследить, как в книге устанавливаются достоверные связи между самыми различными событиями.

Следует помнить, что есть национальная традиция, но война и традиция – категории трудно совместимые. Закономерно, чем глубже постигает писатель своё, национальное, тем больше в нём общечеловеческого. Через живое созерцание бытия, мира и человека, природы и национальной истории Наталья Советная видит духовный путь своего народа. Необходимо отметить ту тщательность, с которой автор колоритно выписывает детали деревенского быта и времени, ясными штрихами передаёт черты характеров героев, реалистично рисует мир природы. Приметы национальной идентичности здесь точны и лаконичны. *«Василиса Комарова накинула фуфайку, влезла в валенки и, повязавшись тёплым платком, собралась в хлев: время корову подоить, пошло ей вынести, свежего сена подкинуть. Только за дверную ручку взялась, чтобы в коридор выйти, тут же и замерла. Вчерашний вечерний снег зычно скрипел под чужими ногами. Кинулась к заиндевевшему окошку, стала протирать на стекле кружок – кого принесло?»* – это описание создаёт выразительную картину утра в деревне, тревожного военного утра, когда в любую минуту могли нагрянуть немецкие оккупанты. То тревожное ожидание, тот невидимый душевный подвиг людей раскрывает Наталья Советная и в своём очерке «Жить, пока пуля летит...»: *«Это страшно... Но надо было жить. Вставать утром, готовить пищу, стирать бельё, сажать грядки и сеять хлеб... не имея ни малейшей уверенности в том, что эту капусту, сваренную в печи, будешь есть ты, а не фриц, что наденешь это чистое бельё, что соберёшь этот хлеб, что вечером ляжешь спать, а утром обязательно проснёшься, и тебя не сожгут вместе с твоим домом...»* Или, например, такой самобытный и глубоко сокровенный в деревенской жизни момент, как выпечка хлеба, с художественным мастерством изображённый автором в повести «Подранда»: *«...Тесто Мишкина мать всегда замешивала на ночь, приговаривая, что хлеб суесть и яркого света не любит. Ставила кадку у печи, накидывала поверх неё старые тряпки, чтобы в глаза не шибко бросалась. Вдруг чужака лихо принесёт? Незваные гости потому так и называются – никогда не знаешь, когда переступят порог. Сама Василиса только приляжет на полати, уж и поднимется. Рано-ранёшенько, до рассвета – шебуришит, шебуришит... Мишкин нос хлебный дух сквозь сон чуял. Начинили ноздри поддёргиваться, словно кто соломинкой дразнил»,* – кажется, что мы видим, ощущаем запахи, вкус свежееиспечённого деревенского хлеба. Крестьянское бытование, изба, где её центр – печь как завязь жизни, которая и обогреет, и накормит, и от болезни вылечит. «Печь нам мать родная», – говорил народ испокон веков. Русские и белорусские хаты – вековая народная традиция, которая всегда воплощала в себе духовно-нравственную миссию вселенского бытия и помогала человеку выжить в любой враждебной среде. Но прийти к пониманию феномена бытия в условиях войны крайне сложно.

Целая народная вселенная, неповторимая красота родной природы, движение её жизни изображены в книге «Затаённое слово»: леса, птицы, звери, озёра, реки, луг, поле, пашня... Неудивительно: завершающую главу в своей повести «Подранда» автор назовёт – «Первая гроза» – гроза, которая несёт человеку внутреннее очищение, освобождение от страха, боли, поистине вызывает сильное эмоциональное потрясение – катарсис. Дождь как символ борьбы добра и зла, света и тьмы. Гроза, молнии, будто колоссальный вселенский взрыв и одновременно мощное психологическое переживание. Боль и вера, радость и страдание соседствуют в мире и в литературе – так должно быть. *«Небо снова осветилось молнией. Стихло быстро, как началось. Свежо, ясно, знобко. Только после первой весенней грозы так сияет, переливается, играет солнце!»* – Наталья Советная наполняет человеческую душу этим спасительным светом жизни.

Хотя не всё возможно высказать, не всё перенести на бумагу, поэтому о многом автор хочет прокричать вместе со своими героями, чтобы память о подвиге и о Победе жила вечно. Сегодня человеческая ответственность требует от нас отдачи, и немое молчание ушедших вызывает к нашей совести. *«На месте Подранды нет памятного знака! Ни креста, ни камня, ни обелиска... Мы должны сохранить память, передать её потомкам. Живые – живым»,* – пронзительные слова писателя обращены к каждому из нас, и память возносится птицей ко всем родным, единственным, далёким и близким, живым и мёртвым.

Следует добавить, что в книге определяющими, концентрирующими главные смыслы являются и авторские очерки, социально-публицистические, литературно-критические. Все они взаимосвязаны

между собой общей военной проблематикой. Очерк Натальи Советной «Невосставшие из пепла» (2015), по сути, продолжает и дополняет её повесть «Подранда». Параллельно автор рассказывает и о трагической судьбе русской деревни на Псковщине – Красухи, как и Подранда, сожжённой немцами вместе с людьми, о Красухе не раз писал поэт Игорь Григорьев. Подранда – особая боль для Натальи Советной – это её родовые корни, здесь жили её предки по материнской линии. В 1942 году в Подранде погибли 70 человек.

«И вознеслась молитва над горящей землёй невозродившейся Подранды», – возвышенно и сокровенно напишет Наталья Советная. Продолжением, созвучно отзывающимся этому молитвенному слову о всех погибших, стали её трагические и светлые стихи, посвящённые Подранде:

*Во широком поле ветер травы гладит – / Чудится: то ль плачет, то ли христарадит?
Тридцать пять подворий здесь земля кормила, / Сотни губ шептали: «Любая!» – «Мой милый!»
Сотни рук качали в избах колыбели – / Жили-были люди! – В небо улетели...
Жалостливый ветер гладит, гладит травы... / То ли кто-то плачет, то ли христарадит.*

3

Весьма примечательно, что в творчестве Натальи Советной существенную роль играет автобиографический момент. Вот и в повести «Пучок травы» автор талантливо соединяет свои собственные воспоминания детства с военными воспоминаниями своих героев.

«Дом Ламбаков готовился к свадьбе старшего сына. На кухне дымилась, парилась, кипела, шкварчела, запекалась, нарезалась праздничная вкуснятина. Переставлялась мебель, раздвигались столы, теснились одолженные у соседей стулья...» – сразу, как и полагается по сюжету, ощущается многообещающая интрига. Да и само название главы будоражит воображение – «Подружкино счастье» – свадьба родного брата её школьной подружки Милы, причём невеста Инна – настоящая Золушка из сказки! Автор сосредотачивает внимание не только на всевозможных бытовых предметах, но прежде всего знакомит читателя с неожиданными психологическими деталями каждой новой ситуации. В советской литературе была популярной формула: «писатель – инженер человеческих душ». Наталья Советная – психолог, вероятно, ей дано более тонко, более бережно прикоснуться к человеческой душе. Более того, пронзительно исповедальной прозе автора, вне всякого сомнения, духовно близка восточнославянская исповедальная традиция, о чём говорят подлинные и откровенные воспоминания героев её произведений, реальных очевидцев и участников войны.

Прежде чем оказаться в страшном хаосе войны, писатель постепенно подводит нас к главным событиям, включает в ситуации, казалось бы, далёкие от военного времени. Однако во всём есть своя определённая логика, даже в детских играх, казалось бы, на первый взгляд абсолютно безобидных. Наталья Советная тщательно выявляет тонкие психологические связи человеческих взаимоотношений, пытается уловить малейшие движения души, внезапную перемену её состояний. Приведём один потрясающий отрывок из главы «Стеклопанная западня», дабы ощутить всю красочность и живописность образов, понять логику автора, ставящего перед собой задачу рассказать правду о душе ребёнка: «Мы с Милой бежали по краю луга, который манил и пугал нас своей неприступностью, непроходимостью, особенно там, где журчала вода, где проваливались ноги, где трава была ярко-зелёной, где пели-булькали лягушки. Эти загадочные создания во множестве населяли весь луговой простор. Мы брали их в руки, подносили ближе к глазам, чтобы разглядеть влажную, блестящую коричнево-зелёную нежную кожу, лапки с длинными пальцами-перепонками, беззубый широкий рот, выпученные мячики глаз. <...> С двумя банками мы, словно два аиста, бродили по лугу и ловили несчастных лягушек. Больших, маленьких, зелёных, коричневых, с тёмной полоской на спинке... Опускали в стеклянную западню, пересчитывали, разглядывали, или дальше в поисках новой добычи. Азарт разогревался негласным соревнованием: кто поймает больше? Спасаясь, лягушки прыгали в воду, скрывались от нас в жёлто-коричневой торфяной бузе. Но не тут-то было! Мы с Милой становились на колени, бесстрашно запускали руки в канаву по самые плечи, а то и так, что даже уши погружались в тёмную жижу, – шарили по дну, хватая несчастных за длинные скользкие ноги», – невозможно оторваться от этого яркого описания, настолько оно метафорично, настолько откровенно и достоверно, поражая какой-то детской беспощадностью, подчас жестокостью, каким-то особым пониманием добра и зла, свойственным лишь детям.

Нарушая мир природы, его первозданную экологию, человек нарушает и экологию собственной души. Не раз вспомнится Наталье Советной то детское приключение, а вместе с ним вспомнятся и главные бабушкины уроки – уроки воспитания чувства совести и вины. Но свои уроки воспитания, суровые уроки войны, прошла и наша сказочная Золушка, которая тогда была крошечной четырёх-летней девочкой. В центре повествования – история судьбы Инны Семёновны Ламбак, учительницы немецкого и английского языка. Сегодня, когда приуменьшается, нивелируется суть Победы, правда о войне особенно ценна. И крайне важно узнать, услышать её из первых уст, пока ещё живы участники и свидетели той войны. «Дело в том, что эту войну – Великую Отечественную – каждый видел из своего окопа, из своего собственного. Поэтому у каждого своя война, какой-то свой взгляд на войну, своё отношение к героизму», – отмечал Борис Васильев. В современной литературе, когда идёт речь о войне, также можно наблюдать разброс мыслей, взглядов, позиций. Но история, которая живёт в каждом из нас, не прощает забвения. Исторической памяти приходится сегодня делать выбор между войной просто «Второй мировой» и настоящей Великой Отечественной. Читая военные произведения Натальи Советной, со всей уверенностью можно сказать, что у неё выбор исторический становится выбором человеческим. В главе «Шум дождя» она говорит о философии единства мира, взаимосвязи природы и человека, о духовной преемственности поколений, сохраняющих историческую память: *«Пульсирует родниковая сила земли, переплетаются прозрачные струи... Прокладывает путь ключевая вода к обмелевшей Горожанке, чтобы по законам любви напоить ослабевшую речку живительными водами. Людская память, пробиваясь сквозь годы, живёт, чтобы напитать спасительной мудростью наших детей и внуков, наполнить целительной влагой русло истории»*. Очищается душа свежим, ясным, как слеза, потоком дождя, а ещё мудрым словом, но память и боль остаются.

Литературовед Вадим Кожин, рассказывая об истории своей семьи, сформулировал следующий принцип: «история семьи – история страны». Семья – маленькая частичка большой страны, её общества. Изучая историю собственной родословной, мы можем уловить связь между судьбами предшествующих поколений, уловить нескончаемую нить памяти, которая так важна и для истории, и для каждой отдельно взятой человеческой жизни. В повести «Пучок травы» Наталья Советная показывает историю крестьянской семьи Развяковых: деда Ивана Леоновича, бабки Евдокии, их дочери Фёклы, рано оставшейся вдовой, и маленькой внучки Инны. Страшные испытания выпали на их долю: война, оккупация, плен, немецкие лагеря. Плотно спрессованы события в повести, будто своеобразная ретроспектива тех военных лет разворачивается перед нами. И для Инны Семёновны Ламбак это время воспоминаний, скорее, проклятие, боль... Но вспомнить, значит, прожить вновь, повторения даны для преодоления этого времени и нашего спасения.

«Вернулись Развяковы с односельчанами в освобождённую деревню, а её, деревни... нет! Брёвна обгорелые, печи с трубами, колодцы и две бани. Только они и уцелели... Инночка крутила головой, глазёнки тарацила: – Деда, а где наша хата? Молчал Иван Леонович. <...> – Баба, где школа?! – ничего не понимала девочка. Молчала Евдокия Ивановна, глубокие складки у рта, потемневшие глаза вдруг прибавили ей лет, состарили. – Мама, где же мы жить будем? Куда я в школу пойду? – залилась слезами маленькая Инна...» – нестерпимо, предельно больно звучит у Натальи Советной мотив вечной «слезинки ребёнка».

Настоящий образ крестьянского мужика, крепко стоящего на земле, знающего своё дело, олицетворяет в повести Иван Леонович. Такой закалённый мужик, далёкий от романтических слабохарактерных образов, довольно распространённых в нашей классике, мог перенести любые лишения и невзгоды. Мощный образ, отражающий философию народа, его мирное, доброе, духовное начало, подчас напоминающий Платона Каратаева из романа «Война и мир». Не стоит забывать, что жизнехранительная, жизнеспасительная основа – это крестьянская основа русского и белорусского народа. Наталья Советная справедливо замечает: «Без дедушки не выжили бы Развяковы». А был он и пахарем, и охотником, и рыбаком, и плотником, одним словом, мастером на все руки – таким деревенским умельцем-самородком. Поэтому с дедом Иваном, находившим выход из самой, казалось бы, катастрофической ситуации, было «надёжно и спокойно». *«Коли домой вернёмся – надежда есть... А ежели убьют, так в своей хате и смерть – мать родна»*, – говорит герой Натальи Советной, принимая твёрдое решение – вернуться в родную деревню. Поражает ум и мужество этого человека, его воля и стремление к жизни. Чигринов в своей военной эпопее писал о той великой истине, которую не так просто постигнуть, даже если раньше ты слышал её от других: «запах родного дома человек

по-настоящему чувствует, возвращаясь из далёких краёв». Но у Развяковых их родного, обжитого дома не осталось. Почти всё уничтожили фашисты. Жили они в бане, овине, готовили на зиму земляное жильё.

Удивительно, что даже в напряжённых, мрачных условиях войны Иван Леонович сохранял высокие нравственные качества и учил милосердию, состраданию, человечности свою ещё несмышлёную внучку Инночку. Однажды забрав у дикой уточки-мамы её маленьких детёнышей, она с открытой детской наивностью принесла их деду. Какой же неожиданной, поразившей девочку была реакция деда, твёрдо настоявшего вернуть птенцов обратно: *«Внучка моя, Инночка, – Иван Леонович пристально посмотрел из-под густых, как мох, бровей, – что же ты наделала? Деток у мамы-утки... отняла! Немцы у матерей ребяток забирали. А ты... Отнеси утят к маме! <...> Я ж тебя от немцев спасал... Спасал! Сберёг! На руках тебя – всю войну...»* Действительно, так ли порой безобидны детские игры? Ведь они отражают взрослую жизнь. Мы все играли в детстве в военные игры, в которых всегда умирали фашисты и головастики. Вспоминается и злосчастная стеклянная банка, до отказа наполненная лягушками, – тоже похожий неоднозначный эпизод из детства автора повести. Хорошо, если кто-то из близких вовремя почувствует стремления и порывы хрупкой детской души и направит их в правильное русло. У каждого в жизни есть свои учителя! Были они и у Натальи Советной, и у Инны Ламбак.

Можно ли описать войну? Думаю, что окончательно этого сделать нельзя. О Великой Отечественной написано очень много книг, есть по-настоящему бесценные! Вместе с тем полной правды о войне мы не знаем. Наталья Советная ставит перед собой отнюдь не простую задачу – прежде всего передать чувства, внутреннюю боль людей, перенёвших испытания войной. Её острый и пронизательный взгляд подмечает всё, она переживает вместе со своими героями ту всенародную боль, ту душевную муку, которые трудно вместить в рамки текста и которые невозможно высказать до конца. Между тем автор находит в себе смелость, душевные силы описать преступления нацизма – массовые сожжения людей, – тем самым вызывая у читателя колоссальные эмоциональные переживания, граничащие с болевым шоком. Ведь даже тех несчастных, кто пытался спастись, фашистские нелюди закалывали и поднимали на штыки, бросая в огонь. Надо отдать должное автору – сегодня подобных произведений, проникнутых такой глубиной психологизма, таким накалом человеческих переживаний, таким обнажённым восприятием трагической сущности войны, в современной литературе отыскать крайне сложно.

Пройдя свои дороги войны, пройдя через карательные экспедиции и рабочий лагерь «Цигель», располагавшийся на берегу Двины, пройдя через Шталаг 313, лагерь смерти в Витебске, перенёс смертельный тиф, Развяковы выжили! Вот ведь как получилось, оказывается, что и в кромешном аду Бог ведёт человека. Не чудо ли это? Во всём сокрыта тайна Божьего промысла – неисповедимая на чаше весов тайна. Писатель Виктор Козько своё военное детство назвал «короткой дорогой через минное поле». Воспоминания детства реальной героини Натальи Советной похожи на эту дорогу, что тоже шла через минное поле: *«Помню, хлеб несъедобный, суп из костной муки – серый, мутный, как помои. Женщины, мужчины – не поймёшь кто: худющие – косточки из-под кожи вытирают... Холодные бараки, деревянные и кирпичные. Длинные нары, нары... Колючая проволока, натянутая между деревянными столбами. Вышки... Всё время хотелось спрятаться...»* – рассказывает Инна Семёновна о мучительном существовании людей в Шталаге. Ужасы войны 41–45 годов – это фашистские концлагеря, чудовищный эксперимент нацизма. Только в декабре 1943 года их освободили. Когда читаешь повесть, хочется произнести за всех выживших и за всех погибших нашу общую молитву, какая бы приблизила тот день, когда они, обессиленные голодом, холодом, прошедшие по лагерям, смогут воскликнуть одно-единственное слово – Победа!

И всё же что помогло им выжить в оккупации и в концлагере? Прежде всего – Дух, стойкость – то историческое и нравственное превосходство, которого никогда не было у врага. Во многом этому способствовала и советская система образования, о чём в своём очерке-воспоминании «Всё перемелется» писал Игорь Григорьев. Он и его брат Лев Григорьев учились в обычной советской школе и хорошо знали немецкий язык, что, безусловно, сыграло немалую роль в их подпольной и разведывательной деятельности. Современный белорусский поэт и прозаик Михась Поздняков в повести «Выйсце заўсёды ёсць...» показывает реальный образ советского капитана, лётчика Василия Зыкова, своего родного дяди. «Нас, славян, перемагчы немагчыма», – скажет его герой, также прошедший

через коцлагерь, плен, через яростную партизанскую войну. Воистину, победить славян невозможно! Они не раз доказывали, что из любой ситуации есть выход.

Всё возвращается на круги своя. И дороги войны возвращают нас к своим историческим корням. Ведь история никогда не умолкает в нас. Наталья Советная переносит читателя в своё школьное прошлое, в родной Городок: экскурсия к месту стоянки первобытных людей, которую организовала учительница Инна Семёновна Ламбак. Маршрут пролегал по дороге в сторону Межи, по этой дороге в 1943 году возвращались в сожжённую деревню и Развяковы. *«Она сама была словно таинственный дух времени, потому что её память впитала дыхание неведомой нам войны, потому что её душа не раз переживала умирание. Наша Инна Семёновна, заботливая, ласковая, из неизвестного нам мира – того, в котором нас никогда не было и не будет... Дух прошлого – он словно река, вытекающая из озера веков, собирающая в себя ручейки лет, капли минут, которые перемешиваются течением жизни и омывают, очищают, напевают, исцеляют и укрепляют прильнувших к этому источнику человеческой памяти...»* – вот так в повести пересекаются в одной точке: время, история, человеческая судьба и народная память.

Действующие персонажи повести живут одною жизнью со своим автором. Бескомпромиссная правдивость сурового реалиста, которую утверждает Наталья Советная, достойна уважения. Это гражданское качество особенно необходимо тому, кто пишет о войне, справедливо подчёркивал Василь Быков. Можно выдумать сюжет, но нельзя выдумать чувства, что, собственно, и подтверждает Наталья Советная. У неё своё собственное осмысление героического в истории, ведь жизнь каждого человека сама по себе уже подвиг. Учительница, не считаясь с личным временем, добровольно продлевала свой учебный год и занималась со своей ученицей, – будущим автором этой книги, чтобы она вместо немецкого освоила двухгодичный курс английского! Честное и самоотданное служение людям, на мой взгляд, равноценно христианской любви к ближнему, которая всегда самоотверженна, бескорытна, всегда ничего не ждёт взамен. Хотя нынче все ждут вознаграждений за любую услугу! Автор подводит нас к пониманию, что поистине совестлив, добр и милостив тот, кто испытывает страдания и боль, тот, чей путь был тернистым. Плохое будто не коснулось нашего народа. Его корни питали особые источники, бившие вдали от бурных струй ненависти. *«Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста»* (Лк., 6:45), – подкрепляет мысль святое Евангелие.

Что хранит человеческое сердце? Проблемы совести, вины, воздаяния выходят в повести на первый план. Любопытный момент – письмо из Люксембурга от бывшего солдата фашистской Германии, которое Инна Семёновна прочла в райкоме партии и впоследствии сожалела, что не запомнила, не записала адрес того люксембуржца. Противоречивую бурю негодования в сердце ученицы вызвали эти слова. Но право совести, жалости и милосердия никто не отменял! *«Не фашиста я пожалела. Человека. Люди разные... Не знаю, какой ответ райком дал тому люксембуржцу... Думаю, что отказал в его просьбах. А мне просящему – отказать – всегда было трудно. И слёз детских переносить не могла. За обиженных учеников перед педагогами заступалась...»* – признаётся Инна Семёновна. И поездка, тогда ещё в ГДР, посещение мемориала в Бухенвальде, во время войны одного из крупнейших концентрационных лагерей на территории Германии, для бывшей узницы немецких лагерей смерти – тоже было непростым моральным испытанием. Пучок травы на горе Этерсберг, где находился лагерь, вырвала Инна Семёновна: *«на корнях крупинки человеческих костей...»*

Возникает отнюдь не случайная параллель и с историей, которая произошла в жизни писателя Даниила Гранина, однажды нашедшего на выставке, посвящённой блокаде Ленинграда, письма немецкого лейтенанта, командира пулемётной роты, которая располагалась примерно напротив участка того батальона, где воевал и он, ползая по ночам по заснеженным полям, пытаясь выковырять из замёрзшей земли мороженые листья капусты, кочерыжки. Наталья Советная в повести *«Под колёсами войны»* также коснётся темы блокады, того её начального периода, когда ещё люди каким-то чудом могли прорваться, уйти из прилегающих к Ленинграду небольших городков и посёлков. Победа духа – вот что было главным. Она тогда в Ленинграде была не менее важна, чем военная победа в Сталинграде, как и та же стойкость духа белорусов в невыносимых условиях оккупации была морально не менее важна многих других побед. Однако самым интересным в этой истории с военными письмами было то, что дочь немецкого лейтенанта фрау Франкен спустя десятилетия после войны признала вину отца, вину матери, отреклась от собственного отца, но

в конечном итоге отправилась в Россию, под Старую Русу, чтобы разыскать его могилу. Как всё это сосуществует в человеческой душе? Только сам человек может понудить себя на душевный труд. Яркий пример тому – жизнь учительницы Инны Семёновны Ламбак, судьба которой – это тоже заслуга её самой. Дилемма возмездия и прощения в повести Натальи Советной не разрешается лишь позволением простить, автор, как и её героиня, видят ситуацию гораздо глубже – каждый человек должен начинать с себя, со своей собственной души. Хотя порой путь от осуждения к состраданию, к духовной всечеловеческой любви занимает годы.

Современное общество, лишённое сострадания к людям, оказалось на грани жизни и смерти. Сейчас нет того сочувствия, той взаимовыручки, которые проявляли люди в те страшные годы. Нет той выдержки. Героиня повести «Пучок травы» доказывает, что жестокость уравнивается неискраемой милостью. И эта милость выше человечности. «Лишь бы не было войны!» – постоянно при встрече с автором повести повторяет она, в словах остро чувствуется боль и мудрость много пережившего человека. Гуманизм и большая милость дышат со страниц военных произведений Натальи Советной. Летопись памяти и боли, народной скорби получилась у неё действительно убедительной, живой и запоминающейся.

Нелегко показать всю полноту правды о войне, пути достижения победы были трудными и долгими. Война и Победа навсегда вошли в генную память нашего народа. Мы видим в повести обновлённый Городок к Дожинкам – белорусскому празднику урожая – ощущаем щедрость белорусского народа, любовь к своей земле, к свободному труду. Настоящая копилка большой человеческой победы – это её люди, подлинные герои, реальные свидетели войны, одухотворённые самой идеей победы, которые несли в себе само понимание её гармонии. Победа может быть разной: моральной, духовной, физической. Может быть всенародной, как в сорок пятом. Само понятие добра и есть победа! Излучает добро и Инна Семёновна, влюблённая в свой Городок, в его жителей, в своих учеников, всегда ожидая самого главного и святого праздника – Дня Победы!

Люди и Время – главные участники истории. Мы не должны ничего забывать. Создавая книгу о войне, Наталья Советная в каждом произведении увеличивает интерес к живой человеческой личности, к народному характеру. Мужество, честность, верность Родине и преданность делу всей своей жизни вобрал в себя и герой её повести «Как из нашей из деревни...» – Василий Егорович Хавров. Для 90-летнего ветерана войны, прожившего почти целый век и сумевшего сохранить жизнелюбие, оптимистический взгляд на мир, время в его воспоминаниях будто движется обратно. Память – категория особая, бесконечная. В судьбе этого человека во всём угадывается Божий промысл. Поэтому не случайно у автора и название главы «Как Господь горе и радость делит». Впечатляют легендарные вехи биографии Василия Хаврова: диплом киномеханика, распределение в Сибирь, в далёкий Иркутск, служба в армии на советско-китайской границе, война в сорок первом и учёба в Дальневосточном артиллерийском училище, война в сорок пятом с японцами, которая для него закончилась Парадом Красной Армии в Харбине. На войне как на войне – долгое возвращение домой, на свою малую родину, предстояло нашему герою. Не секрет, что для человека самая важная, душевная, точка опоры – родная земля. Лишь она может излечить причинённые войной раны.

Окончив пединститут, Василий Егорович преподавал в школе физику. Достаточно нелепый случай с диверсантом, произошедший с одним из его учеников, высвечивает в нём такое редкое качество, сегодня утраченное нами, – как пафос защиты человека. А ещё чувство справедливости, ответственности учителя и гражданина за судьбы тех, кого ему доверили. Отстоять человеческое достоинство и право на милосердие – главное для Василия Хаврова, прошедшего суровую школу войны, обладавшего интуицией бывалого разведчика и поэтому хорошо усвоившего уроки истории. Автор, как и герой повести, стремятся заметить самое лучшее в людях, увидеть, что нет непроницаемой стены, разделяющей поколения. Только так возможно сохранить память.

Сквозная тема книги – песни, письма, военные и лирические стихи, народные частушки – яркие художественные элементы эпохи, усиливающие эмоциональное восприятие текста. Ту героическую эпоху озвучивали песни, как набат, поднимавшие в бой, недаром у Натальи Советной есть в повести глава «И не раз, и не два били мы врага». Благодаря советской литературе, военным стихам, многие из которых становились песнями, наш народ и победил. У врага не было подобной душевной лирики, не было пронзительных песен и обжигающих сердце стихов. По словам А. Толстого, «литература в дни войны становилась истинно народным искусством, голосом героической души народа».

Народное поэтическое творчество, возникшее и бытовавшее на фронте и в прифронтовой полосе, в зоне оккупации и в плену, воодушевляло на подвиг и вселяло веру в Победу.

Писатель и литературовед М. Лобанов отмечал, чтобы передать весь драматизм обстоятельств жизни, всю правду, автору не нужно красноречий, а необходима действенность и убедительность каждой фразы. Талант Натальи Советной, её чуткий дар психолога как раз и нашли своё выражение в ясном, понятном и конкретном народном слове.

4

Война и женщина, смерть и любовь, мать и умирающее от голода дитя – эти противоречивые символы, противоборствующие между собой, никогда не обретут согласия и единства в военно-патриотической прозе. Повесть Натальи Советной «Под колёсами войны» – одно из самых сильных произведений в её творчестве, рассказывающих о детях войны, произведение, насквозь пронзающее душу безнадёжностью военного детства, предчувствием надвигающейся беды, тягостным детским плачем, мольбой о помощи. Война ворвалась внезапно. Рухнул привычный мир и моментально погрузился в хаос. Беларусь прошла сиротский путь: детские дома, сироты войны, горькое детское одиночество. Три женщины, три сестры, три судьбы предстают в этой повести: Мария Михайловская с двумя детьми пытается выбраться из оккупированного немцами голодного Слуцка (пригород блокадного Ленинграда); Валентина, жена офицера, остаётся с детьми, с матерью в Витебске; Клава бескорыстно, по-матерински заботится о своих родных племянниках. Тяжёлая участь выпадет на долю Валентины, её и детей против их воли угонят на работу в Германию. Военная машина нацизма не щадит никого, перемалывая в своих жерновах и человеческие судьбы и целые страны.

Автор описывает начальный период Великой Отечественной войны: ожесточённые, яростные бои за Витебск, кровопролитное танковое сражение, основной задачей которого было – «вырвать у противника инициативу». Обращает на себя внимание одна, уже ранее упоминаемая, существенная деталь – это органическое соединение публицистичности и художественности в текстах писателя. Военные данные, факты, даты естественно сочетаются с лирическим текстом. Подчас теряешься в потоке информации: армии, различные соединения, дивизии, наступательные операции, освобождение городов и посёлков, новые партизанские формирования и бригады... Документальность, фактичность материала здесь достоверны, композиционно неотъемлемы от общего контекста содержания и сюжета повествования. Примеров предостаточно: директивы, постановления, приказы военного времени, которые дополняют и усиливают правду переживаемого момента. Хотелось бы отметить, что автор тяготеет к эпическому размаху, как правило, характерному большим произведениям. Не помешает вспомнить известные крупные произведения о войне Шолохова, Симонова, представляющих полную панораму военных операций. Но в любом случае Наталья Советная не забывает о художественной задаче публицистического повествования об истории в пространстве человеческой судьбы. Ей удаётся всему происходящему придать философско-исторический взгляд, оживить и реально представить те далёкие события, будто оказаться на месте своих персонажей, почувствовать их изнутри, стать настоящим автором-героем: «... Утреннее небо заволочло плотным дымом, солнечный свет никак не мог пробиться к горящему обезлюдевшему городу, в который въезжал победителем полковник Георг фон Бисмарк. Витебск казался ему злоецим. Никто не приветствовал его, освободителя, командовавшего передовым отрядом двадцатой танковой дивизии. Полковник поёжился: “Что возомнили о себе русские? Это же не столица и не тысяча восемьсот двенадцатый год! Сами взорвали свои мосты, сожгли заводы и дома...” – Его передёрнуло: “Если не ванну принять, то хотя бы выпить чашечку кофе в приличном заведении, как было в Польше. Но где в этом городе? Одни руины! Представляю, что чувствовал Наполеон в пылающей Москве. Но ничего, уже не далеко и до неё! Завтра же двинемся на Смоленск”». История движется по спирали, имея закономерное свойство повторяться на каждом новом рубеже. Представляя образ Наполеона, немецкий полковник ещё не догадывается о своём поражении.

Тем временем начинались мрачные дни оккупации. За окном гремела война, и дети не были в стороне. Сжавшись от страха, считает вражеские танки Вовка Михайловский, пока не понимая всей трагедии своего украденного детства. В едином ключе, раскрывающем тему военного детства, написаны автором два очерка «Жить, пока пуля летит...» и «Одна судьба». В первом очерке рассматривается одноимённая повесть Геннадия Пациенко, главными героями которой являются простые

дети, деревенские мальчишки и девчонки, вынужденные приспособливаться к чудовищным условиям оккупации. *«Думается, в данной повести, возможно, впервые в литературе, автором показано, что война – это не только кровь, смерть, грохот орудий, душегубки концлагерей, героические подвиги. Чем, кстати, не удивишь современных молодых людей, привыкших к голливудским боевикам и убивающих своих противников в компьютерных играх. Война – это ещё и ежедневный хронический страх, тревога, ожидание, трагическая неизвестность и совсем незаметный, но не менее поразительный подвиг – жить и выжить рядом с врагом»*, – выскажет Н. Советная важную мысль о жизни в оккупации, поражаясь тому, как «через бесхитростные глаза беззащитных детей» Г. Пациенке удалось показать все ужасы войны, искалечившей тысячи детских судеб. Ощущения «военного, каждодневного, напряжённого бытия», переданные в очерке, очень похожи на те ощущения, какие переживают и герои книги Натальи Советной. Она откровенно делится и собственными семейными воспоминаниями, что выпали на долю её родных и близких: *«Помню, как мне самой никак не верилось в то, что мои мама и отец, бабушка видели “тех” немцев. Немцев, которых называют фашистами. Казалось невероятным, что враги топтали пол в нашей хате, сидели за нашим столом, спали на наших кроватях, а бабушку вместе с малыми детьми выгнали жить в холодный дощатый сарай. Невозможно было представить, что моя мама пятилетним ребёнком бежала по улице, которая с двух сторон была увешана вовсе не киношными трупами. Что недалеко от изумительно красивого берега озера за нынешней больницей, куда все наши горожане любили ходить купаться и отдыхать в годы моего детства и юности, было место мучительной казни евреев, которых фашисты закапывали живьём, а потом проезжали по ним танками и кровь выступала на жёлтом мягком песке. Что там, где сейчас стоит наша церковь, была виселица, а полицаи заставляли людей смотреть на казнь. И надо было смотреть и молчать, иначе в петлю можно было попасть самому, так рассказывала моя бабушка. А дома её ждали две маленькие дочки...»*

Преодоление трудностей – основное свойство характера, которым обладало то военное поколение. Оно умело сохранять невозмутимость духа. Может быть, в том, что современное общество напрочь лишено терпения, и кроются причины наших многих неразрешимых проблем? В своём очерке «Одна судьба» Наталья Советная говорит о книге писателя, военного лётчика Анатолия Сульянова «Посеешь ветер...». Её ключевая тема – дети войны. Во время войны А. Сульянов был четырнадцатилетним подростком, и осенью сорок первого года копал противотанковые рвы, окопы, траншеи, ремонтировал дороги, автор знакомит читателя с его личными воспоминаниями: «Я со своими одноклассниками работал вместе со взрослыми по четырнадцать часов подряд, без отдыха... Сколько помню войну – столько хотелось есть. Бывало так, что в доме не оставалось ни крошки хлеба». Военный голод, как заметит Наталья Советная, – отдельная тема для равнодушного историка и писателя Анатолия Сульянова. «Тема, обязательно мучительно-скорбно звучащая в воспоминаниях уцелевших в Великой Отечественной», – убедительно подчеркнёт она.

Сделав некоторое отступление, вернёмся к повести «Под колёсами войны». Мучительные чувства, тягостные кадры, будто вспышки памяти испытавших горе войны, чередой проходят перед глазами: блокадный Слуцк, маленький сын Марии Михайловской – Васечка, который умирает, съев от голода сырую ворону. Есть абсолютно нечего, если только бросить лошадиное копыто в пустую похлёбку, или испечь «лепешки из соломы с древесной корой и очистками». Нельзя объяснить ту боль, уже прорастающую в тебе, когда читаешь эти строки. Пронзительной жалости не достаточно. Возможно ли представить материнскую боль, будто железным стержнем, вонзающуюся в её израненный мозг, в её измученное сердце? Люди, обречённые на голодную смерть, – пожалуй, до сих пор нераскрытая тема войны, тесно сопряжённая с темой оккупации, с темой жизни в тылу. Удивила Вовку молитва матери, мальчишка раньше никогда не замечал, чтобы она молилась. Спасительное слово молитвы придавало сил, и происходило чудо: исстрадавшиеся люди были полны горячей готовности помочь друг другу, были совестливы и милосердны. «... Мужество, любовь, самопожертвование – это духовные качества, которые питают совесть и нравственность», – писал о советских людях, познавших тяготы войны, Ю. Бондарев.

Но были и те, чьи сердца, как и у врага, не ведали жалости, сострадания, не знали стыда. Это в повести Н. Советной тот же староста, понуждающий народ сдавать коров для «великой Германии», или та же профессорская жена, когда-то учившая Марию Михайловскую готовить жёлуди, а потом пресмыкавшаяся перед немцами, угощавшая их конфетами и сахаром, в то время, когда сынишка

Марии голодал. Картины подобной мучительной полноты, представляющие в повести Натальи Советной подлинную человеческую трагедию, поверьте, не забываются. «Детство наше под колёсами войны...» – скажет годы спустя строитель Владимир Михайловский, с благодарностью вспоминая тех людей, которые во время оккупации приютили их семью в своём доме, дали им кров, обогрели, делились с ними последним куском.

В природе нет войн, где бы воевавшие стороны не мечтали о победе. Сила ненависти и желанной победы, как будто превыше человеческой, была в этих людях. Ценой беспощадно украденного человеческого счастья, выстраданной ценой собственной жизни они пришли к своей победе. Городок праздновал 70-летие Победы в Великой Отечественной войне – главный праздник страны и грандиозное событие мировой истории. С чувством гордости за то, что их отцы и они, дети войны, были причастны к этому великому делу, герои повести встречали День Победы. Слышалась, летела над мирным городом, поднималась ввысь наполненная дыханием весны, слезами радости песня, и их голоса вливались в общее свободное звучание: «День Победы! День Победы! День Победы!»

Самую, может быть, любопытную страницу в книге открывает повествование, посвящённое партизанской эпопее, – «Мошканкая медсестра». Наталья Советная не «романтизирует» реальность, из которой выросла наша победа. Фанфарная риторика ей ни к чему. Слишком велика была цена победы, по-прежнему отзывающаяся непреходящей болью в сердце каждого белоруса. В небольшом произведении автор пытается воссоздать военную хронику освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, хочет показать историческую роль партизанского движения. Местные партизаны – как основа его зарождения, само его организационное начало – отдельные партизанские группы, действующие на оккупированной территории, также развитие освободительного движения в тылу нашей армии, которое объединялось в единую мощную силу, представляя собой крупные партизанские формирования и бригады, нещадно громившие врага. Кровь, смерть, но и бесконечное мужество, человеколюбие, противоборствуя между собой, здесь идут рядом.

Трагический опыт войны продолжает жить в русской и белорусской литературе. Можно ли будет дожждаться литературного расцвета, некоего ренессанса литературы о Великой Отечественной войне? Всё очевидней, что этого исторического времени у нас уже нет. Необходимо успеть написать самое ценное, ветераны, участники и очевидцы тех событий уходят. Наталья Советная жертвенно осваивает это живое пространство человеческой судьбы и памяти, спешит встретиться, спешит записать воспоминания: «С миру по нитке – клубочек истории покатился...» Ефросинья Павловна Чиркова из деревни Мошканы Витебской области – главная героиня её повести. «Такая судьба у женщины, столько во время войны перенесла!» – скажут о ней местные деревенские жители. И всплывают из глубины человеческой памяти горестные и вместе с тем великие вехи воспоминаний, в которых само время срослось, как живой нерв, чтобы прошлое стало предостережением нашему общему будущему.

«Душа моя трепетала в волнении, а собеседница торопливо говорила и говорила, опасаясь, что телефонная связь прервётся, и она снова останется одна в маленькой квартире, где жила на пенсии по возвращении из Ленинграда. Тянуло в родные места, ближе к сёстрам, Лукерье и Татьяне. Да они уже на Небесах», – передаёт нам автор впечатления разговора со своей героиней, безмерная доброта и жизнелюбие которой просто восхищают, а выдержанность эмоций и тихая задумчивость трогают до глубины души. 18 детей было в семье Фроси Карпович, мать арестовали за связь с партизанами, после облавы девушка уходит в лес, в партизанский отряд. В повести не скрывается трагизм белорусской истории, автор касается её самых горьких сторон и моментов: рабство у пана, неизживаемая чёрная тоска белорусов, раскулачивание, по-своему крутой час коллективизации. Только терпение и труд, национальное достоинство всегда спасали народ. Не было у него обиды на власть, заметит Ефросинья Павловна, да и любовь, привязанность белорусов к своей земле помогали, как говорится, выстоять всем миром.

Судьба Ефросиньи Павловны действительно была легендарной. В рассказе партизанки озвучивались известные со школьной скамьи имена Героев Советского Союза: «Константина Сергеевича Заслонова, в чью партизанскую бригаду входил Фросин отряд Кириллова (командир группы партизанских отрядов в Богушевском и Сенненском районе. Командир отряда, включённого в Богушевскую партизанскую бригаду Бойко (1-го состава). Командир этой бригады, затем партизанской Лиозненской бригады в Витебской области; Александра Константиновича Горовца – гвардии старшего лейтенанта, заместителя командира 1-й эскадрильи 88-го гвардейского истребительного авиаци-

онного полка, сбившего в ходе своего последнего боя девять вражеских боевых самолётов, один из которых протаранил, но и сам был сбит четвёркой немецких истребителей при возвращении на базу; Первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии Петра Мироновича Машерова». Родной брат Фроси учился вместе с Петром Машеровым, во время немецкой оккупации сражался в партизанском отряде Кириллова.

Можно ли привыкнуть к войне и смерти? «Нет, можно научиться воевать, но привыкнуть к войне невозможно», – писал Константин Симонов. Ведь жить с постоянным чувством страха, наблюдать смерти близких и знакомых людей, знать о всех ужасах, которые творит враг, – это не жизнь. Испытываешь откровенный ужас, от которого всё холодеет в душе, когда читаешь в повести Натальи Советной о предательстве своих же, о пытках матери Фроси Карпович, о смертной казни. *«Мы отомстим! За всех отомстим и фашистам, и полицаям! <...> Мамочка моя! Как представлю – пытали её! Страшно! Я, если что, руки на себя наложу. Боюсь, только бы не выдать никого. А маму повесили. Гады! Ненавижу предателей! Если бы не свои же, деревенские, жила бы мама»*, – изливает девочка своё горе. О, эта ненависть к врагу была настоящей! Сильной, как вера, сдвигающая горы. Сердце партизанки наполнилось решимостью, потому что это была временная победа смерти. Вера в свои убеждения обретала прочную и необоримую силу. Основные нравственные смыслы концентрирует заключительная глава повести. Ефросинья Павловна произносит выстраданные слова, ставшие её заглавием: *«Нельзя быть предателем»*. Нет, антигерой-предатель не побеждает: *«Много предателей было. Они и после войны бандами в лесах прятались»*, – раскрывает героиня истинное лицо любого предателя. Война калечит души, лишает человека добра, подталкивает его на путь зла. Война – аномальное явление, которое приводит к нивелировке моральных норм, патологическая ситуация, где происходит не только разрушение мира, в котором живёт человек, но и распад личности, ведущий к исключительной духовной слепоте. В этом ключе стоит упомянуть и роман Николая Чергинца «Операция «Кровь», в котором остро и злободневно поднимаются темы партизанского и подпольного движения на белорусской территории во время оккупации, говорится о фактах ужасных преступлений нацизма – массовых уничтожениях евреев, детских лагерях смерти, где брали у детей кровь для немецких солдат и офицеров, обличается добровольное пособничество предателей-полицаяв.

Рассказ партизанки Ефросиньи Павловны заставляет задуматься о многих философских моментах нашего бытия. А есть ли у нас сегодня то единое Отечество, в котором живые никогда не предадут мёртвых? «...И много спящих в прахе земли пробудится, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление...» – сказано в Книге пророка (Даниил, 12:2). Проклятые вопросы, скрытая полемика, как тогда было «много предателей», так и сейчас много тех, кто пытается это предательство обелить. В нас уже давно живёт сила возникшей инерции. Способны ли мы на самопожертвование? Насколько далеко зашла болезнь нашей внутренней неподвижности? Сможем ли мы встать, как один, в наиболее критические и наиболее роковые моменты? Юрий Кузнецов в своём стихотворении «Тайна славян» говорит о том «великом покое», который после длительной духовной спячки он «разгоняет, как тучу, рукой». Но совершенно иное состояние – непокой. Именно оно составляет часть нашей победы. Ибо спящий никогда не победит. Поэтому не было у мальчишек и девочек того военного поколения ни малейшей тени сомнения в правоте своего дела, тем более не могло быть у них и никакого нравственного изъяна предательства. Они ясно и чётко знали: жизненное пространство их родной земли должно быть свободным.

Не щадила себя и героиня повести, вскипал в её душе праведный гнев против фашистской нечисти. Вот, что она вспоминает: *«На железной дороге “Витебск-Орша” мины устанавливали. Это же руками надо было раскопать – земля мёрзлая. А сердце брыкает, огнём полыхает! Вдруг немцы? Нет, резать, рубить станут, ничего им не скажу! Пулёмёт в походах носила. Руки в синяках, замерзают. Пальцы побиты, расцарапаны в кровь. Тяжко»*. И тифом болела, но выжила. Профессор И. Казанцева, автор вступительной статьи, неоднократно отмечает ведущую роль христианской традиции в книге Н. Советной, ведь вера способна одухотворить человека, воскресить его из мёртвых. «Партизанка-девочка, горе-горькое», как называли Фросю в отряде, нащупывала рукой крестик с привязанной к нему молитвой: *«Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него...»* Славянский народ непобедим, потому что с нами Бог – Господь Вседержитель, Бог – заступник, всесильный и милосердный. «Бог был на нашей стороне – этим всё сказано», – стоит привести здесь один из самых пронизательных

читательских отзывов о книге «Затаённое слово». И земля наша была Богоспасаемой страной. Не перестаёшь поражаться тому, как смогли эти простые люди подняться над душной и страшной реальностью войны так же непобедимо и просто, как взлетает над бессилием самых страшных обстоятельств человеческая душа! Теперь мы понимаем, что они свято претворяли в жизнь христианскую заповедь: бороться против зла, защищая добро.

Уникальным явлением партизанского движения на Беларуси было создание в тылу врага широкой и действенной информационной пропаганды. Находясь в зоне оккупации, народ не знал настоящей картины событий, зато умножались всяческие слухи, в которых порой нельзя было отличить ложь от правды. Одним из методов партизанской войны в борьбе с врагом являлось массовое партизанское творчество. История партизанской борьбы против фашистских людоедов обнаруживала в народе доселе скрытые таланты, пропагандистско-плакатное творчество также приравнивалось к штыку и представляло собой грозную силу: подпольные газеты-листочки, антифашистские письма, сводки Совинформбюро. В своей повести, в главе «Иваново письмо», Наталья Советная представляет нам оригинальнейший способ такого народного творчества, напоминающий художественный жанр не только плакатного, но и жанр традиционного русского искусства, – ответное письмо партизан на немецкую листовку «Слушай, партизан Иван». Оно было «хлётким, жёстким, с перцем, солью...». Автору удалось передать самобытный магический характер этого письма, по всей вероятности, написанного партизанами вручную и наповал сражающего своим сочным народным словом, своей неповторимой художественно-впечатляющей силой. В белорусской литературе своеобразной национальной особенностью стал опыт творческого осмысления документальных свидетельств тех, кто были рядовыми участниками судьбоносных исторических событий. Пронзительно в пространстве повести звучит и партизанская клятва, в очередной раз доказывая нам мощь того военного поколения, в котором присутствовала любовь к героическому началу и подвигам.

Символичен финал повести «Мошканская медсестра»: прорыв блокадного партизанского кольца, кровопролитные сражения при освобождении белорусской земли, военная операция форсирования Березины. *«Когда за Березину бои начались, река красная была от крови. Вода кипела, мутная, как в болоте. Раненные кони в конвульсиях бились. Танки шли, людей давили»*, – свидетельствует наша героиня. 3 июля 1944 года была освобождена столица Белоруссии – Минск. Народ стал победителем истории. Но возможно ли быть победителем своей судьбы? Победители никогда не сдаются. Ефросинья Павловна Чиркова решительно подтверждает это песней – подлинной, о героях и временах минувшей войны: «Мы не кланялись пулям и жизни своей не щадили!..»

Великую партизанскую эпопею автор продолжает и в своём очерке «Сжигай слова, чтоб сохранить мотив...», в котором параллельно идут две линии: комсомольские подпольщики-молодогвардейцы в Краснодоне, одна из которых родом из Городокщины, и подпольщики-партизаны на Псковщине. Трагедия и подвиг героев Краснодона увековечены в романе Александра Фадеева «Молодая гвардия». Причём, описывая пытки комсомольцев, его автор щадил читателя, настолько это было страшно. Сегодня некоторые позволяют себе подвергать сомнению истинность тех или иных фактов романа, что вопиюще несправедливо. Когда речь идёт об исторической правде, критика должна знать допустимые границы. Судьбы молодогвардейцев перекликаются с судьбами подпольщиков посёлка Плюссы, где жил поэт-воин Игорь Григорьев, – юное поколение войны – подпольщики, партизаны... Жизнь и судьба Игоря Григорьева, всё его творчество занимают особое место в жизни и судьбе самой Натальи Советной. Она является председателем оргкомитета международного конкурса лирико-патриотической поэзии имени И. Григорьева и литературных чтений поэта. Пересечение судеб – перекрестие строк. Можно сказать, что вся человеческая жизнь состоит из сравнений, сопоставлений, параллелей и пересечений.

Великая Отечественная война преподавала нам всечеловеческий урок, найдя своё отражение и в классических уроках славянской военной литературы. Свой нравственный, «Русский урок», хорошо усвоил и Игорь Григорьев. Его поколение узнавало мир вместе с человеческим подвигом и страданиями. В свои 18 лет он стал партизаном и подпольщиком. Невосполнимая утрата, что всю последующую жизнь жгла его огнём незатухающей боли, – брат Лев, Лёка, как называл его Игорь Григорьев, тоже подпольщик, который погиб, выполняя очередное боевое задание. Непростые партизанские тропы прошёл Игорь Григорьев. В одном из боёв осколком разорвавшегося снаряда он был тяжело ранен. С того дня прошёл десятки лазаретов, перенёс восемь операций. «Береги себя... Но

и воевать за тебя никто не должен. Никто не должен умирать за тебя. Неси свой крест...» – таков был отцовский наказ сыну-партизану. С достоинством и гражданским мужеством нёс Игорь Григорьев свой русский крест судьбы. Поэзия партизана – это огонь! Его военные стихи входят в душу, как огненные молнии! Невероятное напряжение исходит от каждой строки, обожжённой войной. Слово поэта было дерзким, решительным, а голос, обращённый к мёртвым и живым, был полон фронтового достоинства! В нём пылало победительное отмщение за погибших друзей-подпольщиков, им руководило одно-единственное желание: подняться и встать вопреки всему, вопреки страху и смерти.

Игорь Григорьев так и жил, так и творил на грани мира и войны, на грани жизни и смерти. Судьба оставила ему шанс: договорить, дописать, преподать миру свой главный жизненный урок:

*Стокровьем закат пересиял, / Победу над ночью зажегла.
Россия, Россия, Россия, / А если бы кровь изошла?*

.....
*Ужели надеялась выжить? / Воскреснуть в назначенный срок?
– Бери неотложней и выше: / Дать нелюди Русский Урок!*

Автор высвечивает в творчестве поэта-воина славянское ратоборство, возрождающее лучшие традиции в нашей литературе. Следует подчеркнуть, Наталья Советная, как и Игорь Григорьев, во всех своих произведениях придерживаются глубокой связи, кровного родства, исторического единения в судьбе двух наших народов: России и Беларуси. В таком литературном, публицистическом и гражданском подвиге Натальи Советной, самоотверженно исследующей войну, исполняется причинно-следственная связь поколений. Трагедия войны не должна повториться и память обо всех безвременно погибших, но отстоявших мир, должна жить вечно, ибо она благословлённая Самим Богом и многократно запечатлённая в Библейских книгах: «Чтобы... память о них не исчезла у детей их» (Есф., 9: 28).

5

Сегодня пришло время осмыслить индивидуальный путь человека на войне, показать отдельную человеческую судьбу, взаимосвязанную с трагическими закономерностями мировой истории. Воля истории диктует неизбывное право собственной человеческой памяти. В начале XXI века, как и в начале XX века, мы вновь оказались на разломе эпох. Наталья Советная пытается отвоевать у смерти новые и новые пространства памяти. Она успешно работает и в жанре военного рассказа, который у неё тоже имеет реальную документальную основу. Это особенно важно, ведь военная проза, как и проза «деревенская», постепенно исчезает. Что характерно: автор видит не только абсурдность войны, она выявляет её смысл. Герои её произведений похожи в одном: судьбы их роднит война. Почувствовать и передать человеческое измерение войны с её повседневностью и психологическим напряжением, – пожалуй, самое сложное в данной теме.

Так, в рассказе «Подкоп» автор знакомит нас с учительницей Светланой Тимофеевной. Во время войны ей удалось спастись из горящего дома, прокопав лаз. Дети войны – это особое поколение, поколение, в одночасье лишённое счастливого и беззаботного детства. Местный полицай выдал немцам её мать, партизанскую связную, помогавшую нашим бойцам на грани какой-то безоглядной и почти трагической решимости, рискуя жизнями своих детей. Но могла ли она поступить иначе? В книге «Руины стреляют в упор», хорошо известной многим со школьной скамьи и посвящённой минским подпольщикам, говорится и о подвиге матери Светланы Тимофеевны. Пройдёт время. «А ровный, тихий голос» Светланы Тимофеевны и ныне отзывается в моей памяти теплом и покоем», – напишет автор. Мир, добытый ценой собственных жизней, тепло и покой – как самый большой дар на земле – вернули нам герои той грозной войны.

Судьба обычного человека предстаёт в рассказе «Краса и орден»: Степан Сираж, бывший военнопленный, прошедший все круги ада, к тому же не в одном лагере смерти, в начале в «Дулаге-125», лагере под открытым небом, который называли «Полоцкой голгофой». Горы трупов устилали лагерь. Не стал для него спасением и побег, казалось, вот она, желанная свобода, но дед-поляк выдал его немцам. Степана ждали не менее страшные испытания – Дахау и каменоломни. Но как бы там ни было, враждебная среда не сломила его. Он выжил, ему хватило необходимой и достаточной

стойкости непоколебимо всё вынести и не сломаться. «Как выжил?» – спустя годы не раз задавался этим мучительным вопросом Степан. Что помогало ему в горькие минуты, часы, дни и месяцы беспробудного отчаяния? Может быть, любовь к своей земле, к своему дому, о котором он вспоминал в ненавистном плену? Сквозь тяжёлый сон как спасение являлась родная деревня...

«Лучки, что в глусских краях на Могилёвщине раскинулась длинной улицей в тридцать два дома... в лучкинском дворе всё справно! Стопка, где до лета без порчи пребывают овощи-фрукты, бочонки с квашеной кочанами капуста да солёными огурцами, грибочками, мочёными яблоками с клюковкой. Зимой, чтобы не подмерзали, мать в ведре жар из печки в стопку выносит. Тлеет долго, дымом плесень изгоняет, а теплом – трескучий мороз. Вот и добротный хлев с коровой-кормилицей, поросятами – непременно четыре хвоста, не меньше, чтобы раз в три месяца мясо свежее, и колбасы, и сало. Сенник да куры, как же без них? «А хата, хата!» – мечтательно вспоминала Анна. – В сенцах кубель с салом, с шинкованной капусткой. Мама на вячеру сала настрогает, на сковородку да в печь, а потом горячую бульбачку из чугуна в миску, шкварками с луком сверху, рядом кислую капусту на стол. Ой, любит же отец картошку со шкварками!» – именно такой была деревня Степана, его родная хата, которая заключала в себе целый неповторимый мир. О родной хате – как о самом дорогом, кровном, что есть в её жизни, – вспоминает и его дочь. Отметим, насколько достоверно представлены в повести реалии деревенского бытия: белорусская хата, крепкое крестьянское хозяйство, закрома, полные съестных домашних припасов...

Основной нерв военно-исторической темы – человек и его земля. Есть ценности, которые не вызывают ни у кого сомнений. Это вода, земля, солнце, воздух и, конечно же, хлеб. Автор учитывает национальное мировидение простого белоруса, принимает близко к сердцу его любовь к отчей земле, к природе, к хлебному полю. В этой любви раскрывается вся человеческая сущность Степана Сиража, познавшего истинную цену крестьянскому труду и хлебу: *«Землю люблю. Когда хлеб в поле поднимется да заколосится, радость такая, словно чудо свершается на моих глазах! <...> В маленькой ржаной крошке, не раз спасавшей от голодной смерти, вмещались для него и несказанная сладость отчизны, и духмяный аромат родительской хаты, и материнское тепло, и крепость отцовских рук, и вкус родниковой воды, и всё то, что выразить у него не получалось, потому что и слов таких не знал, только сердцем чувствовал. Хлеб таял во рту, душа успокаивалась».* Кусочек хлеба, который помог ему выжить во время войны, тогда он считался мериллом жизни и был на вес золота. Видимо, к пониманию хлеба мира нельзя прийти, не зная о хлебе войны: горек был его вкус, потому и дорог. Хлеб насущный на каждый день и хлеб духовный на века – земная жизнь и небесная святость навеки соединились в этом ржаном кусочке.

К 40-летию празднования Победы Степан Тимофеевич Сираж был награждён орденом Отечественной войны. Победа – апофеоз повести – победа страны и победа человека. И, естественно, одержавший Победу – это герой, ветеран тех суровых лет, непреклонный, на лице которого сияло непоруганное достоинство: *«Ветеран стоял с орденом на груди, выживший, не сломившийся, не предавший, и не было на свете награды важнее и дороже, чем эта. Гром рукоплесканий заглушал слова поздравлений. Цветы не вмещались в охапку и сыпались на пол, к ногам. А он повторял и повторял только одно слово: «Победа!»* Вот она, глыба человеческой и военной правды. Терпение – это тоже мужество, в терпении есть победа и преодоление. Не стыдно смотреть в глаза людям, когда ты не предал, когда выстоял.

Иконописно перекликаются в творчестве Натальи Советной извечные темы: Родина, дом, мать, подвиг, память, вера. Её рассказ «Всех скорбящих Радость» вызывает доверчивое чувство радостного покоя и жизненной уверенности. В нём показана простая и вместе с тем высокая судьба белорусской женщины Евдокии Федотовны, вынесшей суровый груз военной оккупации, сохранившей свою семью, самое дорогое – детей. Здесь особенно ярко высвечивается духовная, христианская сторона православного человека. Пафос героизации у автора сопряжён с нравственными качествами – с верой в Бога. Предчувствуя свою скорую смерть, Евдокия Федотовна, просит родных дать ей икону Божией Матери «Всех скорбящих Радость», на которой изображён чудотворный образ Богородицы. Жизнь этой сильной и мудрой женщины становится похожа на воспоминание, в котором есть и хорошее и плохое, поскольку жизнь человека неоднородна, но всё прожитое ею от начала и до конца честно и достойно. Эта икона сопровождала Евдокию Федотовну всю жизнь, с того памятного момента, когда мать, отдавая дочь замуж, благословила Дуняшу, обращаясь к чистому и светлому лику Богородицы.

Женщина покидает мир, твёрдо зная, что в её семье всё будет хорошо. Родовое чувство полнит нашу кровь и память. Ясность мысли, убедительное вдохновение и вера в лучшее исходит от этого рассказа. В жизни каждого человека бывают моменты, когда духовная поддержка становится насущной необходимостью. Она позволяет обрести новые силы, преодолеть испытания, с честью выйти из сложных ситуаций, справиться с душевным либо физическим недугом. И неисчерпаемым источником такой помощи для всех христиан является Богородица: «...*Старенькую тёмную иконку Зоя снова поставила на божницу. Покрыла белым вышитым рушником – так всегда делала Евдокия. Не сразу, на сороковой день, с удивлением заметила: образок словно кто начистил до блеска, и лик Пресвятой Богородицы засиял*». Есть смерть, есть и жизнь. «Всех скорбящих Радость» – трепетное волнение и вечная надежда на исцеление и возрождение человеческой души.

Рассказывая о судьбах людей, передавая чувства, которые испытывали они в условиях оккупации, Наталья Советная переводит восприятие военной трагедии из сферы персонального опыта и своего индивидуального переживания в область глобальных и трагических закономерностей мировой истории. Проблема войны и мира, гражданской ответственности человека, его нравственности представляются в её произведениях в общей исторической взаимосвязи происходящих событий. Исходя из опыта прошлого и опыта современности, писатель никогда не теряет опоры на национальные духовные традиции. Скрытые смыслы человеческого бытия открывает рассказ, давший название всей книге, – «Затаённое слово». «Теперь, когда свидетелей войны осталось совсем мало, каждое воспоминание, каждое слово, словно драгоценность», – неизбежно осознаёшь сказанное автором, когда знакомишься с его героиней Зинаидой Савельевной Романовой, чьё детство выпало на годы войны. У их поколения не было времени на детство, оно рано взрослело. Выстрадано, веско звучит каждое её слово. Штрихи эпохи, эпизоды сурового времени навсегда запечатлелись в памяти героини: страх оккупации, за связь с партизанами жгли хаты, полицаи-предатели, бежавшие вслед за немцами, фронт, освобождение, нелёгкая послевоенная жизнь в деревне. Вот она, маленькая девчужка, вместе с женщинами-солдатками тащит «тяжеленный конный плуг» – несмышлёное дитя, не способное ощутить вселенскую тоску бабьего одиночества.

Какое же оно, это затаённое слово, о котором с таким трепетом и волнением в душе говорит Зинаида Савельевна? Она навсегда запомнила слёзы и радостную улыбку на лице учительницы: «*“Дети, идите домой... Война закончилась!” Четыре километра из Кравцово ребятня неслась наперегонки и без передышки. Каждый хотел первым принести счастливое известие. – Победа! Война закончилась! – кричали они работавшим в поле женщинам. Побросав плуги, бабы тоже бежали домой, размазывая по щекам слёзы грязными от земли руками и повторяя, как молитву, то самое заветное слово, которое затаённо сохраняли в душе долгих четыре года: “Победа!”*» Да, слово это содержит в себе самый тайный и сокровенный источник. Затаённое слово Победы – Божие Слово. И победоносное слово рождается сердцем преображённым, в котором нет ненависти, а есть любовь и вера. «Теперь-то другая жизнь», – простые и обыденные слова произнесёт Зинаида Савельевна, и луч света озарит её сокрушённое сердце.

Неожиданным, но вместе с тем не случайным, стал для автора звонок сына героини рассказа «Затаённое слово»: он отметил главный, психологический, момент книги – не бесстрашные, храбрые подвиги и знаменательные сражения, а прежде всего эмоциональный фон переживаний чувств тысяч людей, испытавших трагедию войны. И мы видим, что книга Натальи Советной открывает понимание Победы как высшей правды и силы, как Божьего святого Слова.

Гуманистические мотивы обретают у автора острую, злободневную силу: не отдать Победу, которую отстояли своими жизнями наши деды и отцы! Белорусы, познавшие цену военных бедствий, никогда не изменят славянскому братству. Их души умеют свято хранить это единство живых и мёртвых. Что подтверждает пронзительная цитата из очерка Натальи Советной «Невосставшие из пепла»: «*И в этот момент вдруг явственно ощутилось, что невидимо встали рядом с нами души всех убиенных здесь: сожжённых и расстрелянных жителей, солдат и офицеров, павших в боях при освобождении, и моих предков по материнской линии, что покоятся неподалёку на деревенском погосте*».

Книга «Затаённое слово» – история человеческая и военная, – начата давно, она не заканчивается и в наши дни, ибо остаётся боль, которая не проходит, остаётся память, которая продолжается... И пока горести будут властвовать над миром, не будет конца у этой книги...